

Космические Мирь

КОСМИЧЕСКИЙ МАРШАЛ
ОЧЕНЬ
ГРЯЗНАЯ ИСТОРИЯ

НАТАЛЬЯ БУЛЬБА

Annotation

Новое дело. Дружественный сектор, обмен опытом по программе защиты свидетелей. Это с одной стороны, а с другой... исчезающие бесследно туристы и вольные как главный объект подозрений. Но что тогда стоит за интересом главы мегакорпорации, чьи лаборатории находятся на одной из планет Приама, к скромной журналистке? И почему большинство пропавших — отличающиеся отменным здоровьем мужчины?

Элизабет Мирайя — маршал службы Маршалов Союза — не поверила в кажущуюся простоту дела и оказалась права. Ей и ее напарнику предстоит ответить на множество вопросов, главные из которых заставят задуматься: где же проходит грань человеческой подлости и на что ты готов пойти, лишь бы спасти жизнь друга?

Наталья Владимировна Бульба

Космический маршал. Очень грязная история

Не отступать и не сдаваться!

Девиз Службы Маршалов

Когда Орлов вошел в кабинет Шторма, тот сидел в кресле, расслабленно откинувшись на спинку и закрыв глаза.

На внешнем экране — голография Шаевского и скупые строчки биографии. Большая часть — описание операций, в которых тому приходилось участвовать. На личное — все остальное.

Скромно! Как и у многих из их конторы.

— Сработало? — поинтересовался Орлов, как только Шторм протяжно вздохнул и открыл глаза.

— А куда б оно делось! — довольно хмыкнул полковник, сворачивая внешку. — Подходы-то искали ко мне, а он теперь в этом плане не представляет никакого интереса.

— Мог бы и объяснить...

— Зачем? — вроде как удивленно вскинул бровь Шторм. — Как говорят: меньше знаешь — лучше спишь? Вот пусть и спит спокойно, пока есть такая возможность.

— И все довольны... — словно бы невпопад бросил генерал, отвлекшись на пришедшее на комм сообщение — свежая сводка. Просмотрев, поднял голову, наблюдая, как друг и подчиненный прошелся пальцами по крышке стола, выстукивая привычный мотив. — Что тебе не нравится на этот раз?

Шторм поднялся резко. Поморщился, смешно встопорщив усы.

— Мне в последнее время все не нравится!

Орлов промолчал, не торопясь задавать наводящие вопросы. Похоже, Шторм и сам до конца не понимал, что именно с ним происходит.

— Мы с тобой слишком далеко от Союза...

Генерал кивнул, но так и не произнес ни слова.

Подумает — выговорится.

— Со мной связывался Ежов...

— Чего хотел? — На этот раз Орлов предпочел разбавить его монолог своей репликой.

С адмиралом из военной разведки Орлов был знаком давно. Друзьями назвать трудно, если только приятелями. Но с симпатиями.

Мужик надежный, спец — грамотный. Не без амбиций, но когда доходило до дела, то умел избавляться от собственных желаний, выдвигая вопросы службы на первое место.

Импонировало и то, что своих людей он в черном теле не держал, излишним самодурством не страдал, в окружении предпочитал лизоблюдам сильных профи. Достаточно, чтобы при необходимости закрыть глаза на мелкие разногласия.

Вместо того чтобы ответить, Шторм вернулся к столу, вытащил из верхнего ящика несколько листов бумаги, протянул генералу.

Тому пришлось подойти и взять самому, полковник так и не двинулся с места.

Пробежав текст по диагонали и отметив самое важное, генерал отошел к окну.

Кабинет Шторма находился на шестом этаже Управления. Сравнительно невысоко, но, в отличие от него, Орлова, полковник не любил, когда стоило взглянуть вниз — и весь город как на ладони.

— И что?

— Два десятка супертяжей, более ста пятидесяти тяжелых, столько же средних.

Наиболее технически оснащенное соединение во всем флоте. Сам Соболев участвовал в боях с Самаринией. По оценке специалистов в области военной стратегии, обладает уникальным складом ума, позволяющим ему решать сложнейшие военные задачи.

— Ты зачем мне это рассказываешь? — демонстрируя отсутствие всякого интереса, уточнил Орлов. Сам же перебирал в голове возможные причины столь пристального внимания со стороны друга. Стоило признать, что даже с наскоку набирал пару десятков.

Только гадать, какая из них, бесполезно. Шторм умудрялся видеть будущие проблемы там, где ими еще и не пахло. Эти способности полковника вырвали их не раз, став основой славы полковника контрразведки Вячеслава Шторма.

— Директива правительства, принятая одной из первых после подписания мирного договора с Самаринией, гласит, — начал Шторм холодно и четко, — что при оснащении передовых боевых подразделений техникой и вооружением должны использоваться только собственные разработки. Иные лишь в исключительных случаях, по итогам особого рассмотрения соответствующих комиссий, произведенного в секторах, с которыми у Союза сложились длительные и дружественные отношения.

— Заключение соответствующей комиссии тебя не устраивает? — протянул Орлов, уже понимая, что вряд ли Шторм обманулся и на этот раз.

Было во всем этом что-то... настораживающее.

— Меня больше устраивает заключение моих аналитиков, которые утверждают, что эффективность наших систем жизнеобеспечения уступает покупаемым в пределах половины процента.

— Если перевести на людей...

Шторм, даже не попытавшись сдержаться, двинул кулаком по столу.

— И забыть, что цена тех значительно выше... И это в то время, когда каждый кредит...

Не закончив фразы, полковник выдохнул, словно только теперь сообразил и то, что орет, и на кого именно.

— Извини! Просто иногда я теряюсь перед логикой тех, кто сидит в Штабе. В пресс-релизе одна галиматья про необходимость, заботу и прочую хрень. А стоит подумать...

— Займешься этим вопросом?

Полковник посмотрел на генерала так, как если бы тот сморозил откровенную чушь.

— Уже занимаюсь. И от того, какие мысли лезут в голову, хочется застрелиться.

Удалось удивить — вот такого заявления от Шторма Орлов не ожидал. Тот не опускал рук даже в те страшные дни, когда самаринянам удалось захватить группу, в которой был его друг детства. Если уж дошло до подобного...

Сделав себе заметку в памяти, что пришла пора пообщаться со старыми знакомыми, прочувствовать, так сказать, атмосферу, перевел тему:

— Так чего хотел Ежов?

Затихший вроде Шторм вскинулся вновь:

— Так того и хотел: понять, что происходит вокруг! — Прошелся взглядом по кабинету, продолжил уже спокойнее: — Есть у него подозрения, что штабные затевают очередную игру с его непосредственным участием. Спрашивал, не могу ли я чем...

— Ну а ты?

Почему Ежов не обратился лично к нему, Орлов прекрасно знал. Кураторство над Службой Внешних границ сместило приоритеты в его работе. Он все еще многое мог, но в некоторых случаях Шторм был способен на большее. Этот был как раз из таких.

— А что я? — полковник тронул усы. Привычка. — Меня эти умники самого достали, так что...

— Вот и ладненько, — усмехнулся Орлов, отходя к двери. — Ты, если что...

Но Шторм последней фразы уже не слышал. Отдел перехвата сбросил на планшет очередную порцию информации, заинтересовавшую его аналитиков. Выделенные красным имена Элизабет Мирайи и Виктора Шаевского, поставленные им на особый контроль, соседствовали с названием сектора, память о котором до сих пор была болезненной.

Усмехнувшись — теперь хоть была понятна причина дурного настроения, нажал на вызов.

Приам оставил слишком заметный след в его душе, чтобы теперь верить в подобные совпадения.

История первая
ОЧЕНЬ ГРЯЗНАЯ ИСТОРИЯ

— Сделай лицо проще, — попросила я Виктора, отвлекшись на мгновение от изучения бокала с коктейлем.

Назывался тот «Феерия вселенной» и свое название оправдывал. Я дважды сбивалась со счета, пытаясь выяснить, сколько в нем слоев. В описании утверждалось, что пятьдесят шесть. В первый раз у меня получилось пятьдесят пять, на этот... пятьдесят семь.

Виноват был Шаевский, присутствие которого поблизости никак не давало сосредоточиться. Даже в цивильном Виктор выглядел офицером, что, конечно, частично соответствовало нашей легенде, но уж слишком бросалось в глаза.

И ладно бы не был способен, так ведь просто развлекался. За мой счет!

— Не могу, — сурово заметил тот, подтверждая подозрения. Стоял, прислонившись спиной к барной стойке в шаге от меня и, время от времени, окидывал помещение хмурым взглядом. — Мне приказано тебя охранять!

Сбившись в третий раз, посмотрела на него скептически.

— Выслуживаешься?

Тот сначала приподнял бровь, потом скривился:

— Грубо!

Я пожала плечом:

— Зато — точно. Только зря ты это...

Виктор задорно улыбнулся и как-то весь обмяк, тут же потеряв даже намек на военную выправку.

— Зато ты отвлеклась.

Мне пришлось вздохнуть и согласиться. В последнее время я только и делала, что думала.

Ни о чем.

Четыре месяца после Зерхана стали для меня кошмаром. Репортажи Элизабет Мирайи имели такой успех, что меня едва ли не узнавали на улице. В такой ситуации рассчитывать на новое задание не приходилось.

Я это понимала, потому к шефу с претензиями не лезла и на передовую не рвалась, ждала, когда шум хоть слегка уляжется. Вообще постаралась забыть, где именно находился кабинет Лазовски, чтобы не оказаться там случайно.

Душевное равновесие Эскильо, продолжавшего делить со мной служебную площадь, на этот раз беспокоило меньше, чем возможность категоричного ответа: «Нет». А тот был просто обязан прозвучать, попытайся я напомнить Роверу, что засиделась на аналитической работе.

Не он заставлял меня восстанавливать справедливость и рассказывать обо всем, что творилось на окраинной планете в течение четырех дней, которые с легкой руки моей подруги и наставницы в журналистике называли Зерханским Апокалипсисом. Сама влезла.

Расплачиваться тоже приходилось мне.

К тому же мой нелегкий характер испытывал теперь терпение не одного только Эда. Пока Шаевский входил в курс дела, его прикрепили ко мне стажером.

Меня же не останавливали возникающие опасения, что после подобного обучения тот согласится вернуться к Шторму, но моим напарником не станет. Не мальчик, сам сообразит,

где безопаснее.

А потом пришло то злополучное приглашение. Губернатор Зерхана настоятельно просил журналистку Мирайя участвовать в открытии мемориала Памяти в честь погибших и пропавших без вести во время беспорядков.

Узнала я об этом вечером — со мной связалась Валенси, буквально ошарашив новостью, а утром отправилась «на ковер» к Лазовски. Тот потребовал.

Разговор был коротким. Ровер считал, что вынужденное безделье действует на меня удручающе, подрывая профессиональный уровень. Не желая терять ценного сотрудника, но понимая всю неоднозначность сложившейся ситуации, он предложил мне... погостить на Приаме.

И ведь причину подобрал безупречную — обмен опытом. Парочка оперативников от них к нам, мы, соответственно, к ним. В качестве довеска спроваживал и Виктора. Мол, у меня там будет время раскрыть его маршалский потенциал. Ну и от Шторма подальше, тот вроде как еще не мог забыть о нанесенной ему обиде.

Кто бы говорил?!

Будь шеф не прав, я бы возмутилась, но... он сделал все, чтобы избавить меня от лишней боли. Для отказа от поездки на Зерхан нужны были веские основания. Это было веским.

— Не нравится мне эта история, — неожиданно для себя выдала я, тут же заметив, как окончательно расслабился Виктор.

Кажется, я пропустила нечто важное. И ведь не скажешь, что простительно — реабилитации у психологов я хоть чудом, но избежала. Да и наставник, как-никак! Обязывало соответствовать.

От Шаевского мое недовольство собой не ускользнуло. Подвинулся ближе, чуть склонил голову, скорее властно, чем нежно, приобнял.

По легенде...

— Колись, давай, стажер, — хмыкнула я, когда от его дыхания шевельнулись волоски на виске, едва не заставив засмеяться, — чем с тобой поделился Штурм?

Виктор отстранился, демонстрируя шаловливое недовольство. Вот только взгляд остался слишком «резвым» для той игры, которую он выбрал.

— Почему именно полковник? — Шаевский заговорил, когда я уже успела сделать пару глотков.

Ну не терять же зря время.

— Потому, — нравоучительно протянула я, — что господин помощник директора Службы Маршалов Геннори Лазовски, по прозвищу Ровер, мог попросить тебя приглядывать за мной, что ты и делаешь, но не посвятить в тонкости задания, которое нам предстоит получить на Приаме. — Закинув голову назад, посмотрела на Виктора снизу вверх. Не сказать, что сильно снизу, но точно вверх. Провела кончиком языка по губам. По легенде мы были мужем и женой. Не совсем уж молодоженами, но с весьма небольшим стажем совместной жизни. — Однако тебе известно то, чего не знаю я. И ты, — я ткнула пальцем ему в грудь, — вот уже четвертый день пытаешься найти повод и рассказать мне об этом.

— А я уж думал, что ты настолько глубоко ушла в себя, что и не заметишь, — усмехнулся Виктор, убрав с моего лица прядь волос. — Но из всего сказанного не следует вывод, что это был Штурм.

— А кто еще? — Я чуть не захлебнулась от преувеличенного возмущения. — Сколько раз он пытался со мной поговорить?

Тот задумчиво закатил глаза, невольно качнул головой.

— Только при мне с десяток.

— Вот-вот! — добавила я экспрессии. — А без тебя еще два раза по столько. Явно хотел объясниться.

— Но ты ему возможности так и не дала, — усмехнулся Виктор, перенимая манеру общения.

Как-то, во время короткого «просветления», я поинтересовалась, чем закончился его прощальный разговор с бывшим командиром. В ответ получила насмешливую просьбу уточнить, с каким именно.

Про Воронова я уже знала, бывший друг-соратник Шаевского — Истер Ромшез поддерживал со мной связь, делясь последними новостями, не относящимися к секретным. Не утаил и эту.

Полковник СБ еще долго срывал зло на ни в чем не повинном окружении. Ему было плевать, какой именно хвост тянется за офицером, ему нужен был в команде человек, профессиональные качества которого не давали бы повода сомневаться в исходе поручаемых тому дел.

Шаевский был из таких. Операция на Зерхане, во время которой Шторм играл им, как разменной монетой, данного факта не опровергла. Когда Виктору пришлось перехватить командование группой, сработал идеально, не допустив лишних жертв. У меня хоть и не было доступа ко всем данным, но и тех, которые я имела, для выводов оказалось достаточно.

Но, несмотря на всю ярость, Воронову пришлось смириться. Даже без поддержки Славы Шторма у Ровера хватило должников, чтобы тот отпустил Виктора с миром.

А вот с самим Штормом все оказалось значительно хуже. Свое без боя он не отдавал, даже самому лучшему другу.

Лазовски справился. Не знаю, как, но Шаевский появился в нашем офисе точно через три недели, как тот и обещал.

Да только Шторм не сдавался, действуя обходным маневром. Сейчас это была вроде как забота обо мне.

Впрочем, когда речь шла о Славе, слово «уверенность» стоило исключить из лексикона. Так что причина у этой заботы могла быть совершенно иной.

— И не дам, — жестко отрезала я, прикрываясь бокалом с коктейлем, чтобы не испугать случайного свидетеля нашего разговора, если такой вдруг окажется. В баре было темно, насколько я успела выяснить, работали глушители, но кто его знает... Шаевский, вон, великолепно читал по губам, и не только на межгалактическом. Присутствие здесь еще одного уникама было вполне реальным. — Пока не посмотрю ему в глаза...

Виктор не сдержался и засмеялся. Открыто, искренне...

Делать вид, что обиделась, я не стала. Даже поддержала веселье. Когда еще доведется.

Шаевский успокоился быстро, прижал меня к себе, даже чмокнул, мазнув губами по волосам. До макушки не достал, я успела сдвинуться, избегая «ласки».

— Пара туристов. Муж и жена. Защита свидетелей.

— Самариняне отпадают, — отозвалась я тут же, вздохнув с облегчением. Судя по тому, с чего Виктор начал, обмен опытом был только прикрытием. — Уже легче.

Взгляд Шаевского отдавал разочарованием.

— Он с Таркана, специалист в области генной микробиологии. Она — землянка.

Я дернулась, но Виктор успел меня придержать.

— Не кипятись! — Когда я слегка расслабилась — все могло быть значительно хуже, продолжил: — Если ты помнишь, на Приаме запрет на службу женщин в силовых структурах. А у стархов — свои правила. Обеспечить адекватную охрану служба розыска не может, вот и обратились к нам и демонам. Но предпочли нас, не так будем бросаться в глаза.

— И в чем тогда подвох? — вновь напряглась я.

Мало ли о чем мы могли говорить! Может, он упрекал в излишнем внимании ко мне субъекта, лицо которого было практически скрыто за довольно уродливой экспозицией. Не знаю, что она должна была олицетворять, но издали напоминала изрядно увядший куст.

— Местные предполагают, что попытка похищения этих двоих — дело рук вольных.

Достойная внимания версия. Еще бы посмотреть, на чем она базируется. Увы, пока что я не имела возможности это сделать.

— А у Шторма на этот счет другие мысли? — ехидно уточнила я.

Шаевский выглядел недовольным. Причина — скорее всего как раз та, о которой он еще не сказал.

— У самаринян на Приаме сильные позиции.

Развернувшись к нему — хотела видеть глаза Виктора, кивнула.

— Дальше!

Тот скривился, попытался улыбнуться. Не получилось. Качнул головой, словно отгоняя собственные опасения. Начал медленно, будто рассчитывая, что пока говорит, что-нибудь изменится.

— Исхантелю организовали побег. Поисковая операция ничего не дала.

Не изменилось...

Посмотрев на комм — до очередного сеанса связи с Ваном было еще два часа, спросила:

— Лазовски знает?

Поморщилась. На idiotские вопросы следовали не менее idiotские ответы. Не знает и знать не будет. С Шаевским Шторм поделился лишь потому, что предчувствовал проблемы даже там, где другие не видели для этого оснований.

Ну и считал, конечно, себя должником. Потому и пошел на риск. Ради меня.

— Значит, — тяжело вздохнула я, — опять самариняне?

Виктор качнул головой.

— Шторм так не думает. Согласен с розыскниками. Либо вольные, либо — свои. Но...

Он был прав, что недоговорил. Лучше перестраховаться.

— А Жаклин?

На продолжение я не слишком-то и рассчитывала, эту женщину трудно было отнести к первоочередным проблемам, но Шаевскому судьба помощницы бывшего дипломата была известна.

— Исхантель убил ее.

Чтобы не выругаться, уткнулась Виктору в шею.

Действия самаринянского жреца были просчитываемы — к чему ему лишняя обуза, исчерпавшая свои возможности, но... гадкого осадка на душе этот факт все равно не отменял.

Виктор уже давно делал вид, что спит, устроившись на довольно большом диване в гостиной, я же продолжала мерить шагами спальню.

Летели мы вторым классом, но на лайнере Приама. Несколько иные представления о красоте и удобстве делали разницу в восприятии просто огромной. Обстановку в каюте я бы назвала роскошной, они — тривиальной.

Но сейчас эти отличия меня интересовали значительно меньше, чем полученные от Валенси сведения. Ваню во время очередного сеанса связи я отстучала полный порядок — не хотела, чтобы Лазовски раньше времени узнал о моих поползновениях, а вот подругу попросила просеять через мелкое сито всю доступную ей информацию по столице сектора, в который мы направлялись.

Больше всего меня интересовала криминальная хроника. Ну и слухи, конечно. Куда ж без них. Журналисты порой знали больше, чем спецслужбы. Или догадывались, умея сопоставлять не хуже, чем самые изоцированные аналитики.

Первую порцию получила час назад, остальное Вали обещала прислать к вечеру. Своему, не моему.

— И что тебе так не дает покоя? — Виктор стоял у двери и недовольно смотрел на меня. Не выдержал.

Я слышала, как он вошел, но никак не отреагировала на его появление.

Для наших с ним отношений трудно было подобрать эпитеты. Какой ни назови, получалось слишком плоско.

На наставницу и стажера ни он, ни я похожи не были. Возраст и опыт Шаевского делали эту параллель просто посмешищем. Чему можно научить его после школы Славы Шторма?! Если только избегать несанкционированной встречи с Ровером!

Друзья? Дружба между мужчиной и женщиной априори обречена на провал. Внешне, может, и будет напоминать, но стоит заглянуть вглубь, точно найдешь прошлые или будущие страсти.

Коллеги? Напарники? Куда тогда деть незатейливый флирт, которым мы иногда развлекали друг друга и Эда?

О влюбленности тоже речь не шла. Последнее письмо Валанда я пересматривала каждый день. Виктор об этом знал, пришел как-то ко мне в самый неподходящий момент. Нас обоих тогда выручила бутылка вина, которую он принес с собой. И мне, и ему было неловко. Боль потери начала затихать — Валанд был жив, пусть больше для меня и не существовал, но тоска осталась. А еще вопросы, на которые так хотелось получить ответы.

Чем больше я анализировала произошедшее со мной на Зерхане, тем сильнее убеждалась, что многое пропустила, посчитала незначительным. Теперь разбираться с этим было поздно.

— Туристы пропадали и раньше, но последние полтора года их количество увеличилось на порядок.

Шаевский молчал секунд двадцать, потом укоризненно произнес:

— Служба Внешних границ.

Я резко развернулась, мысленно ругая себя последними словами. Мне пора было выбираться из марева прошлого, раз я перестала замечать очевидное. Приам не входил в коалицию, созданную Союзом, стархами, скайлами и демонами, что оставляло его один на один с притязаниями вольных. Изменения в статистике служили весьма надежным косвенным доказательством в пользу именно их участия в исчезновениях людей. Оставался

вопрос, кому предназначался живой товар, но тут так просто не ответишь.

Но не только это вызвало мое удивление, заставив молча смотреть на Виктора.

Обтягивающая торс футболка — четкий рельеф грудных мышц, кубики на животе; обычные тренировочные штаны — широкий пояс, который подчеркивал контраст между широкими плечами и талией, узкие бедра.

— Только заметила? — криво усмехнулся Шаевский, правильно догадавшись о причине моего замешательства.

— Остается удивляться, как девчонки в офисе еще не поубивали друг дружку! — кивнув, хмыкнула я. — У Ровера появился достойный конкурент.

Тот приподнял бровь, улыбнулся. Направленный на меня взгляд был самодовольным.

— Ты многое пропустила.

Игра на публику, но я отказывать ему в удовольствии не стала. Тут же зацепилась за недосказанность:

— Например?

— А ты думаешь, почему меня отправили с тобой? — с толикой гордости поинтересовался он. — Только ли присматривать?

Я задумалась, окинула оценивающим взглядом. Причмокнула, заставив Шаевского слегка смутиться. Развитие, конечно, всестороннее, но определенная ограниченность чувствовалась.

— Значит, в ссылку?

Тот едва сдержался, чтобы не расхохотаться.

— Скорее уж, спасательная операция.

Пришлось вновь приподнимать удивленно бровь.

— А я — прикрытием от домогательств?

— В точку! — сглотнул он, но продолжал сохранять на лице относительно бесстрастное выражение.

Закалка Шторма, да на благодатную почву собственных способностей... Говорить спасибо Славе за такого напарника я не собиралась.

— Значит, вроде как и не опасна... — нахмурилась я, ехидно прищурившись. Все, что угодно, лишь бы не заметил, что сама вот-вот рассмеюсь. — Ну... держись!

Сделала шаг вперед, заставив его отступить. Еще один... Виктор уперся спиной в стену, начал медленно поднимать руки, сдаваясь.

— Не губи, наставница! Я еще жить хочу! Меня же Ровер...

Договорить я ему не дала, остановилась:

— Это ты сейчас о чем?

Слишком много было намеков, чтобы я пропустила еще один. До этого момента спрашивать было не у кого. Не у Лазовски же выяснять, как он ко мне относится.

— Знаешь, Лиз, — Шаевский посмотрел на меня удивленно, — иногда я просто поражаюсь твоей тупости. Такая умница, и не видеть того, что у тебя перед глазами. — Он помолчал, продолжая не сводить с меня взгляда. То ли ждал возражений, то ли просто давал мне передышку. Ошиблась и с тем, и с тем. — А говорят, у вас на это чутье! — Судя по интонациям, Виктор был в шоке.

— Он сделал из меня маршала, — тихо произнесла я. Не оправдываясь, чтобы тишина была не столь гнетущей.

Многие мелочи, которые раньше не находили своего объяснения, неожиданно собрались

в целостную картину.

Как же не вовремя!

Шаевский развел руками. Вздохнул.

— Непрошибаемо! — Качнул головой. — Ты же его любишь.

— Кого? — вяло поинтересовалась я, ища повод закончить этот разговор. Мне он был неприятен.

— Славу Шторма, — грубо бросил Виктор, но тут же поправился, заметив, как я сморщилась. — Не хочешь — не будем. Дело не мое, разберетесь сами. — Заметив, что я с его словами полностью согласна, продолжил: — Со статистикой понятно. А есть что по этому случаю?

— Полковник не поделился? — беззлобно съязвила я и тут же махнула рукой, не давая ему высказаться. — Информации на удивление мало. Заметка об исчезновении парочки. Покинули отель — собирались на экскурсию, вечером не вернулись. Служащие подняли тревогу Пару дней информканалы дружно мусолили новость, на третий все резко замолчали. Кое-кто по большому секрету признался Валенси, что их заставили.

— Все?! Заставили замолчать?!

Виктор правильно сделал, что не поверил. Свобода слова! И не только у нас, у них — тоже. Я этот момент специально уточнила, чтобы правильно оценивать источники информации.

Но исключения бывали, особенно когда речь шла о безопасности. Серьезной такой безопасности.

Успокаивало одно, незабвенный Слава сказал, что наша задача — охрана свидетелей. Может, и опасно, но обойдется без политических тонкостей.

Комментировать его вопросы я не стала, просто заметила:

— Был один журналист... Так вот, по его уверениям, женщине удалось сбежать и добраться до службы розыска. Те отреагировали вовремя, успели освободить и мужа. Ну и вроде там взяли кого-то, весьма разговорчивого.

— И что стало с журналистом? — оправдал мои ожидания Шаевский. Он все так же продолжал стоять у самой двери, подпирая стену.

— Как и положено, — улыбнулась я многозначительно, — исчез. Бесследно.

Шаевского данный факт несколько не смутил. Меня, впрочем, тоже, но имя я запомнила. По привычке.

— Что хочешь говори, — он отстранился от стены, подошел ко мне. Нас разделяло всего два шага и... ни малейшего сексуального подтекста. Я даже чуть не хихикнула: прямо брат с сестрой, — но я пока не вижу ничего подозрительного. Для нас с тобой.

Я задумчиво кивнула:

— Вот и я не вижу. Это-то меня как раз и настораживает.

* * *

Вали еще дважды сбрасывала пакеты с инфой, но все они лишь дублировали ту, что она отправила первой. Где-то чуть более подробно, где-то с новыми именами, но по существу ничего нового.

Доверяя квалификации подруги, я решила, что пора избавляться от паранойи и успокаиваться. Шаевский с моим решением согласился, так что последние два дня мы только и делали, что наслаждались полетом.

Развлечений было достаточно, скучать нам не пришлось. Бассейн, аэро-танцы, прогулки по обзорной палубе, гонки на симуляторах каров, романтический ужин, во время которого мы дурачились, как дети.

Мне было легко с Виктором, надеюсь, ему со мной тоже.

К орбитальному порту столичной планеты Приама — Эстерии, мы пристыковались на седьмые сутки полета. Для пассажирских кораблей — очень быстро, шли на крейсерском уровне.

Нас не встречали, это была одна из мер предосторожностей, которые оговаривались заранее. Самые обычные туристы.

Имена практически не меняли. Виктор так и остался Виктором, в фамилии заменили одну букву — Шаивский. Со мной та же история, из Мирайи сделали Кирайи. Досье тоже соответствующее: бывший офицер флота и репортер из мелкого регионального канала.

Подготовкой занимался Ваню, так что у местных лиралде, как здесь называли службу, контролирующую внешние контакты Приама, мы вопросов не вызвали. Спустя три часа входили в номер не самого шикарного, но вполне приличного отеля. Наш багаж к тому времени уже доставили.

Когда на комм Шаевского пришло сообщение, мы успели не только осмотреться, но и освежиться. Тот как раз выяснял у меня, заметила ли я за нами слежку.

Я — заметила. Он — тоже. Взгляд оказался достаточно наметан, чтобы в той, надо признать, мало организованной толпе обнаружить парочку ничем не примечательных ребят.

Откуда они, только предстояло выяснить, но действовали весьма тонко. Оба прокололись на эмпатии, но это не их вина. О том, что мы с Виктором обладаем определенными способностями (мои после Зерхана стали чуть более управляемыми), в переданных приамцам личных делах не было сказано ни слова. Предосторожность, не более. Ну и «приятный» сюрприз для кого-то, если вдруг доведется использовать.

О наших проделках на Зерхане местным тоже не сообщалось. Но это уже не без умысла.

— Нас ждут через час в отделении на Хиен-корон, — произнес Виктор, как только закончил читать текст.

Тон Шаевского был нейтральным, но меня его мнимое равнодушие не обмануло. Разве что задавать вопросы не стала, сообразила, что именно не понравилось.

— Появись проблемы, Лазовски бы предупредил. Или не сочли нужным поставить о них в известность, или все произошло совсем недавно.

Виктор кивнул, но продолжал молчать. Хотелось бы мне заглянуть в его голову, но мыслей и своих хватало, чтобы загружать ее еще и чужими. В офисе на Хиен-корон, одной из центральных улиц столицы, находилось Управление службы розыска Приама.

Пригласить туда — фактически признать, что в наших услугах больше не нуждаются. Изначально предполагалось, что первый контакт произойдет на нейтральной территории. Там же мы должны были определиться, как будем действовать дальше.

Тот факт, что связались они с Шаевским, а не со мной, я проигнорировала. Старший в группе не был определен — для них, а не для нас, ну те и посчитали, что — мужчина. Для местного общества вполне логичное предположение.

С этим, кстати, был связан еще один парадокс. Запрет на «мужские» специальности для

женщин распространялся лишь на саму работу, но не обучение. Так что некоторые барышни покидали Приам, реализуя свои мечты в других секторах.

Будь их много, думаю, шейх Тиашин тем или иным способом разобрался бы с этим вопросом, но несколько сотен дерзающих были не в счет.

— Я поеду один! — Слова прозвучали твердо, если не сказать, жестко.

Штормовские замашки!

Посмотрела иронично, приподняла бровь.

— Радость моя, тебе напомнить, кто у нас принимает решения?!

Тот хмыкнул, отреагировав на «мою радость», но, похоже, отступить не собирался.

— Слишком откровенно. Не лучше ли перестраховаться?

Я пожала плечами.

— А кто говорит, что я этого не сделаю? Сколько нам добираться?

Виктор бросил взгляд на карту:

— По максимуму минут сорок.

— Великолечно! — откликнулась я, прикинув, сколько мне потребуется, чтобы изменить себя практически до неузнаваемости. — Выходим через двадцать минут. — Подумала, демонстративно облизнувшись, окинула взглядом по-мужски ладную фигуру. «Домашний» наряд, состоявший из одних тренировочных штанов, позволял оценить ее по достоинству. — Ты бы тоже... приоделся.

Тот загадочно улыбнулся — это развлечение было все еще достаточно свежим, чтобы мы продолжали подтрунивать друг над другом.

Ответа дожидаться я не стала, сбежала в комнату, которую выбрала своей. В словесных баталиях Виктор оказался хорошо подкован, время от времени умудряясь загонять меня в угол своими репликами.

Не сказать, что меня данный факт огорчал — все разнообразие в жизни, но сейчас хотелось оставить последнее слово за собой.

Где и что у меня находилось, вспоминать нужды не было — сумки собирала сама, складывала, чтобы самое необходимое всегда было под рукой. Средства для коррекции внешности к таким не относились, лежали на самом дне, но мне потребовалось не больше десяти секунд, чтобы до них добраться.

Первым в ход пошел выпрямляющий волосы спрей. Потом второй, бесцветный при нанесении, но способный в течение трех минут превратить меня из шатенки в черноволосую брюнетку. С помощью бионакладок изменила форму носа, скул, губ. Уже поверх покрыла все тонким слоем легкого грима.

Чем был хорош такой камуфляж — его простой трансформацией в обратную сторону. Пропитанная специальным составом салфетка возвращала собственное лицо, а компоненты именно этих, нестойких, спреев разрушались сами за пару часов.

Теперь одежда. Прямая юбка в пол с широким поясом и запахом прямо поверх узких сверху, но расклешенных книзу брюк. Длинный пиджак с плечевыми подкладками и воротником-стойкой на обтягивающую футболку.

Пятнадцать минут, и на меня из зеркала смотрела чуть усталая женщина средних лет, корни которой явно находились здесь, на Приаме.

Последний штрих — «набор диверсанта». Микроампулы в гнезда комма и браслета на левой руке. Химия безвредная, без последствий после ее применения, но способная дать запас по времени. И, что самое главное, в списке запрещенных отсутствовала, так что

специальными сканерами не обнаруживалась.

Чип полевого интерфейса я подключила еще на лайнере, сейчас только перевела в активный режим. Лазовски обещал, что наши тени появятся на Эстерии раньше нас, а свое слово он держал.

У меня в запасе было еще целых три минуты, когда я вышла в гостиную. Шаевский оглянулся — на нем был легкий костюм из хлопка, какие здесь носил если не каждый, то двое из троих точно, окинул быстрым и весьма рассеянным взглядом, направился к выходу.

Я фыркнула от удовольствия, приятно, когда тебя оценивают вот так... без слов, профессионально. У самого пиджак двойной, да и рукава отстегиваются одним движением, как и воротник. А уж как он «играл» своим телом, меня внешнее восприятие лишь изменением походки и наклоном плеч, я видела не раз. Взгляд не успевал замечать метаморфозы, позволяя ему просто мгновенно уходить от чужого внимания.

До офиса розыскников добирались на подземке. Можно было и наземным транспортом — на Приаме он не только сохранился, но и использовался чаще, чем довольно дорогие здесь кары, но я уговорила Виктора сбежать от царившего на поверхности зноя.

Препараты должны были за день-другой привести организм в норму, заставив адаптироваться к влажному и довольно жаркому климату. Столица планеты находилась близко к экватору, со всеми вытекающими из подобного соседства прелестями. Но пока это не произошло, я бы предпочла места попрохладнее.

Виктор спорить со мной не стал, хотя его самого, похоже, этот момент несколько не смущал.

Нужная нам станция была метрах в трехстах от двадцатиэтажного Управления, но он вышел раньше. Мне показалось, что за нами опять следят. Шаевский не заметил ничего подозрительного, но предпочел поверить, чем потом сожалеть. Должен был дожидаться меня на аллее Славы, та находилась как раз напротив здания.

В легкие дохнуло огнем, как только я переступила границу тени. Термодатчики одежды переключились на режим охлаждения, но мне было достаточно видеть, чтобы воображение дорисовало все остальное.

Это был не страх — память об одном из давних дел, но иногда накатывало. То ли как воспоминание, как чуть не сдохла в пустыне на Асатоне, то ли как иногда возникающее желание бросить все и зажить нормальной жизнью.

Первое было так давно, что можно воспринимать как вытянутый на тройку экзамен по экстремальным ситуациям, второе — как испортившееся настроение. Перспектива топтать километр под палящим солнцем энтузиазма не добавляла.

— Слежка, — шепот Виктора, раздавшийся в полевом интерфейсе, едва не заставил вздрогнуть. Еще один намек на то, что мне пора приводить себя в норму. Вела себя, как... туристка на отдыхе.

— Те же?

Пауза была слишком долгой, вместо того, чтобы расслабиться, заставляла напрячься. Как-то все шло... не так.

— Нет. Уровень хуже. Но интересую их я, а не ты.

Выругалась я про себя. Оставила одного, без прикрытия... Тут же усмехнулась, нашла о ком беспокоиться.

— Жди, поиграем!

Усмешку Шаевского я проигнорировала. Знала, что он и сам способен избавиться от

любопытных, но пока его способности продемонстрировать не стоило. Мало ли где пригодятся чужие ошибки.

Как только дошло до дела, мысли о жаре отступили, словно их и не было. Теперь я точно знала, как назывались некоторые выверты собственного организма — скукой.

Добравшись до площади — у нас в запасе оставалось минут семь, осмотрелась. Виктора заметила сразу, тот стоял у стелы и делал вид, что изучает список имен.

Впрочем, мог и изучать. Среди них значился некий Вирус Шаивский, который вполне мог оказаться родственником того Шаивского, роль которого сейчас исполнял мой вроде как стажер.

— Один — есть. Второй... — Я еще раз окинула сектор, сличая то, что видела глазами, и данные сканеров полевого интерфейса. — Второго — нет.

— И не было, — самодовольно хмыкнул Виктор, давая понять, что проверял меня. Говорить, что я ему припомню эту выходку, не стала. Зачем пугать раньше времени.

Ответила спокойно:

— Поняла. Иди. Первый подъезд.

Тот не заставил себя ждать. Ладонью коснулся темного монолита, отступил на шаг, вздохнул, резко развернулся...

Хотелось крикнуть: «Браво», но я обошлась томным: «Умница».

Больше не оборачиваясь, Виктор направился через всю площадь наискосок, как раз, чтобы обогнуть здание Управления и уйти на соседнюю улицу.

Я тоже двинулась — наперерез тому мужчине, настолько пристально интересовавшимся моим спутником, что не замечал ничего вокруг. Это не то что непрофессионализм, а сплошное дилетантство.

Или... нас просто изучали?

Отбросив мысль как несущественную — в выигрыше оставались при любом раскладе, не дойдя с десятков шагов, остановилась, рассматривая пустой дисплей комма. Потом попятилась, подняла голову, повела взглядом перед собой, словно выискивая ориентиры.

Столкнулись мы как раз в тот момент, когда Виктор оказался напротив нужного ему подъезда.

Я вскрикнула, мужчина обернулся, в глазах вспыхнула ярость, но... грубые слова с его губ так и не сорвались. Вместо этого он смущенно опустил взгляд: выглядела я немолодо, он же, как если бы годился мне в сыновья.

— Госпожа, прошу меня простить, я...

Остановила его жестом, грустно, но нежно улыбнулась.

— Это я виновата, — развела руками, — никогда не была в столице.

Он клянул тут же:

— Вы что-то ищете? Вам помочь?

Отношение к женщинам на Приаме было двойственным. Много ограничений, но... пройти мимо и не прийти на выручку было постыдно.

— Да, — кивнула я, опустив взгляд. — Мой сын... — Я замолчала, тяжело вздохнув. Так и не подняв глаз, закончила чуть слышано: — Он был в службе розыска. Меня просили...

Упоминание о службе розыска было ему неприятно, я это ощутила душевной волной, но мужчина, тем не менее, уточнил:

— Вы ищете Управление?

Я только ниже опустила голову. Самое главное, ничего не говорить, давая додумать

подробности собеседнику.

Визави мои надежды оправдал:

— Так вот же оно, — повернулся он к зданию. — Вы просто смотрели не в ту сторону.

Он был не прав, но я его разубеждать не собиралась.

Острое желание кого-нибудь прибить выглядело бесперспективным. Единственный, кто находился в пределах досягаемости — Шаевский, а его было жаль. Бесценный как напарник, он к тому же не скрывал схожих с моими помыслов и тоже держался из последних сил, признавая за мною право продолжать дальнейшее существование рядом с ним.

И ведь винить некого. Про мертвых, исстари сложилось, или хорошо, или... ничего.

Хорошо и хотелось бы, но не зная лично — трудно. Оставалось просто молчать.

Новость, ради которой нас вызвали в кабинет старшего розыскника Иари Куиши, с нынешнего утра исполняющего обязанности командира группы дознания, была из ряда отвратительных.

Я бы сказала — самых отвратительных, даже если не имела отношения лично к нам. После таких как раз и возникала буквально физическая потребность кого-нибудь пристрелить.

Ну, или поднять всех вокруг на уши, найти эту суку, а потом сдуть пылинки, получая от этого извращенное удовольствие, пока будешь вытягивать из него всю душу. А когда не останется ни одного вопроса, потому что он выложит тебе даже то, о чем только смутно догадывался, пойти и нажраться до беспамятства, чтобы, наконец, отпустило. Хоть немного.

Прошлой ночью, во время нападения на квартиру, где находились наши несостоявшиеся подопечные, были убиты они сами, бывший начальник Куиши, по вызову которого мы и прилетели на Приам, и... еще четверо из охраны.

До восьмой жертвы добрались в местном доме подследственных. Им был тот самый разговорчивый тип, на которого службой розыска возлагались большие надежды.

И ни следов, ни подозреваемых. Кто-то сработал идеально чисто.

— Дай им прийти в себя.

Резко оборачиваться и объяснять, что до этого я и сама способна додуматься, не стала. Виктор все прекрасно понимал, просто пытался разрядить обстановку.

Лететь на другой конец галактики лишь для того, чтобы узнать, что в твоих услугах больше не нуждаются... Это могло кого угодно выбить из колеи.

Оно и выбило. Нас обоих. У Виктора просто оказалось лучше с самообладанием.

— Лазовски доложишься сам?

Мы уже с полчаса как вернулись в номер, но продолжали молчать, переосмысливая состоявшийся разговор.

Впрочем, ломать голову над двойным смыслом не приходилось, все было достаточно ясно. Им пока что не до нас. Когда будет — никто не знал.

— Доложусь, — настораживающе спокойно отреагировал на мою просьбу Шаевский. — Когда узнаю, где в это время будешь ты.

Сделанную им паузу я оценила, как и прозвучавший в ней намек.

Развернулась к нему:

— Хочу побродить по городу, пока еще не совсем поздно.

Виктор стоял в центре комнаты и насмешливо смотрел не меня:

— Пойдешь искать журналиста?

Удивленно приподняла бровь:

— Неплохо для стажера!

Тот криво усмехнулся:

— Но предсказуемо для тебя. Действуешь шаблонами, наставник.

Вместо того чтобы огрызнуться, нахмурилась:

— Думаешь, это может быть провокацией?

Шаевский неопределенно повел плечом:

— Чем бы это ни было, у нас еще есть время до возвращения.

Мысль была интересной и многообещающей.

— Что-то задумал? — качнула я головой, не веря в то искреннее недоумение, которое он продемонстрировал в ответ. — Давай обойдемся без пыток!

— Ну... — промямлил тот и... выдал, заставив меня задохнуться от смеха: — Мы здесь — не там!

Кажется, моя реакция ему понравилась, Виктор даже улыбнулся. Но продолжил уже серьезно.

— У женщины двойное подданство. Союз может потребовать участия нашей стороны в расследовании.

— Но я не...

Его скептический взгляд был весьма красноречив.

Будь проклят этот Зерхан! При отсутствии фактов, на голом энтузиазме, но я вытянула всю подноготную происходящего там. Говорить после этого, что не гожусь в сыскари, — отдавало позерством.

Шаевский моих душевых метаний словно и не заметил. Он вообще старался лишний раз не напоминать о тех событиях.

— Зато я вполне могу сойти за розыскника. А ты в это время поработаешь в моей тени.

Я прикусила губу, обдумывая предложение. Чем дольше размышляла, тем заманчивее выглядело.

Вот только...

Подошла вплотную к Шаевскому, приподнялась на носочки, наблюдая, как меняется выражение его лица, становясь из весьма равнодушного — предвкушающим.

Все-таки мы с ним нашли друг друга.

— Тебе Куиши не показался идиотом?

Виктор придержал за талию, потом, словно нехотя, отпустил.

— Был в ярости — точно, но чтобы идиот...

— Вот и мне не показался, — закончила я жестко. — Будешь докладываться Лазовски, предупреди, что без его решения мы в игру не вступим. — Помолчала, прикидывая, стоит ли связываться со Штормом или пока еще терпит. По всему выходило, что торопиться не стоило, нужную нам информацию можно было получить и другим способом. — Не хочешь озадачить Ромшеза подноготной нашего нового знакомого?

Виктор закатил глаза, развел руками и... кивнул. Тоже чувствовал, что пахнет жареным. Так или иначе, но мы окажемся втянутыми в эту историю. Чем больше будем знать, тем всем спокойнее.

— Через сколько мне тебя найти?

Я бросила на Виктора влюбленный взгляд. Где ж он раньше был?!

Усмехнулась собственной мысли. Он и Валанд были практически ровесниками. Но одного я воспринимала мальчишкой, другого — мужчиной. И даже причину знала. На одного реагировала живущая во мне шальная девчонка, которая грезила полетами и подвигами,

другого продолжала вспоминать жаждающая стабильности и узнавшая цену любви женщина.

Шаевский как-то предлагал мне устроить случайную встречу с Марком, не верил сам, но пытался убедить меня, что чудеса случаются...

Рассказать о своем разговоре с врачом, который и вытащил Валанда, я Виктору так и не смогла. Вывод того был категоричным: этот участок памяти уничтожен полностью.

А познакомиться с ним вновь я не решилась. Страх оказался сильнее надежды.

— Дай мне часа четыре. Раньше не управлюсь.

Во взгляде Шаевского появилась нехорошая такая задумчивость.

— Ты хоть помнишь, что у нас с тобой нет дипломатической неприкосновенности?

Если что, извинениями не отделаешься — вышвырнут за милую душу.

И все это, продолжая серьезно смотреть на меня.

— Никакого почтения к наставникам, — грустно вздохнула я. — Интересно, как я без тебя десять лет в службе существовала?!

Виктор все-таки не сдержался, улыбнулся.

— Ты, главное, не отключайся, чтобы если что...

— «Если что» на сегодня отменяется, — хмыкнула я и сбежала в комнату. Переодеваться. Предстоящая прогулка требовала чего-то более демократичного, чем наряд, который я использовала днем.

Когда вновь появилась в гостиной, Шаевский полулежал в кресле и дирижировал руками, работая сразу на трех внешних экранах планшета. Заприметив меня, вместо того, чтобы снизить яркость бокового, извернулся, рассматривая.

Мой внешний вид его явно удовлетворил, выглядел он довольным.

Резкое движение кистью, я только и успела заметить, как на карте города потухли два из трех секторов.

Пришлось подойти ближе.

— Мог и спросить, — проворчала недовольно.

— Так не интересно, — отозвался Виктор, поднимаясь. Бросив планшет на кресло, подошел к столу. Отметив, как я поморщилась, нахмурился. — Ваша журналистская братия на трезвую голову секретами делиться не будет.

Усмехнулась. Горько.

— Это они ради Мирайи могли бы из шкурки вылезти, а ради непонятно какой — залетной, лишнего движения не сделают. На большее, чем просто познакомиться, я и не рассчитываю. Но если тебе будет спокойнее...

— Будет! — жестко отрезал Шаевский, на миг сбрасывая маску шалопаю.

Если хотел напомнить, какой он на самом деле, зря старался. Ни на мгновение не забывала.

Объяснять и доказывать не стала. Просто подошла, стянула пиджак с одного плеча, подставляя его для инъекции.

Моя покладистость сделала свое дело, следующую фразу он произнес уже значительно мягче:

— Антидот капсулированный, рассчитан не только на алкоголь, но и на химию. — Я кивнула, мол, поняла, о чем именно он говорил. После некоторых веществ, вроде как случайно оказавшихся в твоём бокале, себя уже и не вспомнишь. — Держит восемь часов, при слабом опьянении нейтрализует без побочных эффектов, так что пару коктейлей ты себе можешь позволить без проблем. Чем выше концентрация...

Пришлось перебить, воспоминания о том, как мы надрались с погибшим на Зерхане Иштваном Руми, были еще достаточно свежи:

— Как скажешь... мамочка!

Вместо того чтобы меня одернуть, тот неожиданно расхохотался. Попыталась «поймать» ассоциацию — не смогла. Но выглядело настолько заразительно, что невольно заулыбалась и я.

Результат Шаевского не впечатлил. Сквозь смех прорыдал:

— Мамочка у нас с тобой теперь одна — Ровер. Еще бы узнать, с кем нагулял таких отморозков?

Тут уже не выдержала и я. Сначала кхыкала, пытаюсь проглотить рвущиеся из груди стоны, потом буквально упала на Виктора, надеясь, что он удержит, а не рухнет на пол вместе со мной.

— Со Славой! Штормом! Больше не с кем!

Оставалось надеяться, что сам виновник веселья никогда не узнает о связи, которую мы ему приписали.

* * *

Когда убеждала Виктора, что моя затея — скорее попытка развеяться, чем задел на что-то серьезное, лукавила. Не сильно — откровенная ложь с Шаевским вряд ли прошла бы. Использовала недосказанность. В эмпатии он был сильнее меня, это накладывало определенные ограничения на наши взаимодействия, о которых я старалась не забывать.

Да, все было именно так, как сказала — появление новенькой в баре, где обычно собирается журналистская братия, могло мало кого привлечь. Было лишь одно «но» — Союз в этой части галактики воспринимался чем-то диковинным, находящимся на другом краю света. Не спасали даже туристы, их ручеек был все еще совсем тонким.

При таком раскладе даже не самая известная среди пишущих особ просто обязана была вызвать интерес. Именно на этом я и собиралась сыграть.

Когда вошла в зал, до полуночи — именно в это время, по уверениям информатора Валенси, там появлялись самые важные личности — оставалась еще пара часов. Как раз осмотреться и дать привыкнуть к себе.

Направилась сразу к стойке бара. Сделав вид, что не замечаю чужих взглядов, забралась на высокий стул, выбрав тот, что ближе к углу. Достаточно темно, чтобы вроде как исчезнуть из поля зрения завсегдатаев, но при этом видеть все и всех в задней, зеркальной панели. Бутылки наблюдению нисколько не мешали, скорее, создавали определенный антураж.

Встретившись взглядом с барменом, чуть склонила голову — готова сделать заказ. Тот извинился перед мужчиной, с которым перебрасывался репликами — вряд ли того интересовала выпивка, больше хотелось выговориться — подошел ко мне.

— В наших правилах называть себя. — Вежливо улыбнулся. — Я — Сиши.

— Я — Лиз, — прищурилась я, разглядывая парня внимательней. Мой пристальный интерес его не смутил. — Могу рассчитывать на «Иллюзию»?

Коктейль считался безалкогольным, что не делало его дешевым. Экзотические фрукты, из которых получали сок прямо при клиенте, переводили его в разряд весьма дорогих.

Таким выбором решала сразу две проблемы: заявляла о себе, как о солидной клиентке, и

лишала возможности добавить лишнее в бокал. Малейшее нарушение рецептуры тут же меняло цвет напитка, буквально «вопя» о подделке.

Прежде чем ответить, бармен уточнил:

— Я могу удостовериться в вашей платежеспособности?

Менталитет приамцев. Пока не стала своей, будут обращаться вежливо, но... жестко сохраняя дистанцию. Можно бить себя в грудь, доказывать, что ты вполне состоятелен, считать оскорблением... не поможет.

Когда спросила у Валенси, как войти в узкий круг, та отправила меня к Джессике Уэлри. Мол, логикой не объяснить, кто сможет помочь, так только знаменитая ведьма.

Подруга ошибалась. Потребовалось всего несколько минут, чтобы я разгадала загадку. На мой взгляд, это называлось единством духа. Нужно было просто быть одним из них.

Я — была, так что имела хороший шанс получить доступ к их сердцам раньше, чем закончится мое пребывание на Приаме.

Усмехнувшись, протянула кредитку, в углу которой сверкал снежно-белым на черном фоне символ Союза:

— Можете списать сразу две «Иллюзии» и положенные вам чаевые.

Сиши качнул головой, приложил ладонь к груди в жесте извинения:

— Мы рады принимать у себя такую гостью. Первый коктейль за счет заведения.

Отказываться я не стала. Убрав кредитку в паз комма, развернулась к стойке боком. Прощась взглядом по полупустому залу.

— У вас всегда так тихо, или это мне повезло?

— Так вы за развлечениями? — чуть разочарованно протянул он. Потом задумался на мгновение, улыбнулся: — Или... с редакционным заданием?

Невольно качнула головой, подсматривая за ним из-под полуопущенных ресниц.

— Кто, кроме журналиста, сумел бы найти это заведение?! — Вали предупредила и об этом. Ни на одной карте столицы бар не был отмечен. Кроме той, конечно, которую нам с Виктором дал Ваню. — Не угадали, Сиши. Жду, когда муж сменит гнев на милость. Мы здесь на отдыхе.

Бармен, тонкой струйкой вливая в нагретый стакан дымящуюся холодом жидкость, бросил на меня понимающий взгляд. Потом заметил, словно невзначай:

— Ему стоит поторопиться.

Закинув голову назад, искренне засмеялась, успев заметить, что наша беседа с Сиши вызывает у окружающих явный интерес.

Нет, вели они себя в рамках приличий, но за те несколько минут, что бармен развлекал меня разговором, ни один из посетителей даже не сделал попытки приблизиться к стойке.

Похоже, мое будущее здесь зависело именно от этого юноши.

— Считаете, у него могут быть... проблемы?

Тот, пожав плечом, пододвинул мне коктейль:

— Мужчины на Приаме темпераментны, красивая женщина не останется без внимания.

На этот раз улыбаться я не стала, недовольно дернула уголок губы. Пора было менять ритм разговора.

— У нас в «Иллюзию» добавляют ледяную крошку мякоти манго. Без нее вкус не тот.

Мгновение напряженной тишины и... из-за спины раздался голос:

— А ведь госпожа права, Сиши! Не ожидал...

Вместо того чтобы оглянуться, дождалась, когда зардевшийся (я прямо-таки и поверила)

бармен рассыплет по поверхности напитка коралловые кристаллы, приняла стакан, сделала глоток, посмаковала его и лишь когда на языке растаяли льдинки, оставив мягкое послевкусие, взглянула на остановившегося рядом со мной мужчину.

Появился он как раз из затемненного угла позади меня. Если бы не легкое движение воздуха, его приближения я бы даже не заметила. Ни запаха одеколона, ни эмоций, на которые можно было бы опереться. Про шаги вообще не стоило говорить, звучащая фоном музыка их без труда глушила.

— Говорят, здесь принято представляться...

Чуть выше меня, голова тщательно выбрита, а вот на щеках и подбородке небольшая щетина, которая его совсем не портила. Скорее стиль, чем небрежность. Как и одежда, которая напомнила бы форму приамской армии, если бы не дорогая ткань.

— Виас Риашти, владелец этого заведения. — Он сделал шаг в сторону, чтобы я могла его лучше рассмотреть, поклонился, как было принято на Приаме. Довольно низко, как радушный хозяин кланяется дорогому гостю. — Вы позволите заглядить оплошность моего бармена и пригласить вас за столик? Все, что вы сегодня закажете, будет моим извинением.

Я с недоумением посмотрела на него. Усмехнулась с вызовом.

— Принять ваше приглашение — признать его вину! Но ведь рецептов этого коктейля — три, и Сиши приготовил по одному из них. К тому же, он помог мне ощутить уют этого бара и дал важный совет. Не в моих правилах платить неблагодарностью за оказанное внимание.

Пока говорила, добавляя в свой голос томных ноток, наблюдала не столько за Риашти — тот слушал с интересом и едва заметно улыбался, а за барменом. Его руки постоянно двигались. Он что-то переставлял, перекладывал, перебирал...

Нервничал? По ощущениям был совершенно спокоен. Демонстрировал рабочий энтузиазм? Незаметно, чтобы его беспокоило присутствие шефа.

Или... пересказывал содержание нашего разговора?

Удостовериться в своей правоте мне не удалось, хоть я и была в ней уверена. Как только замолчала, Риашти поклонился еще раз, и, как недавно Сиши, приложил ладонь к груди.

— Тогда я прошу разрешения присоединиться к вам. Будем считать компромиссным вариантом.

Отказываться от такой удачи не стала, жестом указала на соседний стул.

— Если не отвлекаю вас от дел, буду только рада.

Фраза ответа не предполагала, его и не последовало. Пока я делала еще один глоток, Риашти устроился напротив.

Когда садился, у меня появился дополнительный аргумент, чтобы связать его с вояками. В череде рациональных, идеально выверенных движений одно было корявым.

Ранение или... протез.

Вроде подробности и ни к чему, но привычка все замечать уже успела стать натурой.

— И кто вам поведал о моем заведении? — любопытствовал Риашти, когда Сиши подал ему стакан. Судя по запаху, там было что-то очень крепкое.

Поморщившись, словно была обескуражена его прямолинейностью, пальцем на матовой поверхности стойки написала: Валенси.

Не поверив — брови взлетели вверх, добавляя выражению его лица некую двойственность, вывел тем же способом: Шуэр и поставил вопросительный знак.

Отсалютовала ему стаканом, кивнула.

— И как она? — в его взгляде была... горечь сожаления.

Валенси умела зажигать в чужих сердцах страсть и уходить, оставляя после себя пепел. Если бы не Ваню... Его стоило объявить героем уже за это.

— Выглядит счастливой, — выдала я, нисколько не щадя мужского самолюбия. — Приветов не передавала, я была уверена, что не попаду сюда.

— И что же изменилось? — тут же поймал Риашги намек. Ни одного глотка своего поила он еще не сделал.

— Поругалась с мужем, — лукаво призналась я, наконец-то заметив то, что не давало мне покоя последние минут пять.

Взгляд! Осторожный — лишь чуть коснуться, убедившись, что я никуда не делась, но напряженный.

Это было не его место, и тот, кто следил за мной, это понимал.

* * *

Когда появился Виктор, я уже успела про него забыть. Виас оказался очень приятным собеседником, да и не он один. Мы сначала весьма мило поболтали вдвоем, потом перебрались за столик. В одиночестве оставались недолго, компания быстро разрослась, желающих пообщаться с прибывшей из Союза барышней оказалось много.

Именно этого я и добивалась, когда пришла сюда. При таких условиях можно услышать немало любопытного.

Разговор шел по кругу. Меня спрашивали о Союзе, я интересовалась Приамом. Отвечали то с шутками, то настолько серьезно, что возникала ассоциация с глубоко скрытым противоборством. Каждый раз, когда происходило нечто подобное, Риашги удавалось одной фразой сгладить впечатление от грубого слова или слишком резкого суждения.

Оценив, насколько тонко и незаметно он контролирует ситуацию, к вопросу об армейской специальности я добавила еще один — до каких высот дослужился. Оставлять его без ответа надолго не собиралась. Не поможет Валенси с ее связями, напомним о себе Штурму. Думаю, он не упустит шанса хоть как-то реабилитироваться передо мной.

Пусть я и не видела особых причин для своей настойчивости, но что-то такое витало в воздухе, заставляя не упускать ни малейшей детали.

К паре «Иллюзий» добавилось еще два коктейля, слабоалкогольных. От Виаса мое желание сохранить рассудок в трезвом состоянии не ускользнуло, но, насколько я видела, его это вполне устраивало. Сам он только подносил стакан к губам и хорошо, если смачивал их крепким местным напитком, название которого я, в конце концов, записала, так и не сумев повторить.

О своем приближении Шаевский не предупредил. Не то чтобы мы с ним договаривались, но оба считали, что даже плохая импровизация лучше хорошего постановочного спектакля.

С моментом угадал.

Мы как раз обсуждали блистающую на Приаме Люсию Горевски, ну и не совсем сошлись во взглядах на ее талант. И ведь никто не отрицал, что она — гениальная актриса, спорили из-за мелочей. Здесь она могла бы сыграть более правдоподобно, там — неловкий жест, тут — неудачно прозвучавшая нота.

Дошло до смешного, кто-то из сидящих за столом бросил сгоряча: «Сам бы

попробовал».

Слово за слово, и... мы решили попробовать. Сами.

Тот факт, что изображать Люсию подрядился мужчина — кажется, его представляли, как Айси, — никого не смутил. Ну а мне... так получилось, досталась роль ее партнера.

Публика, в большинстве своем находившаяся в изрядном подпитии, замерла в предвкушении.

Я, в образе brutального индивида, сложив руки на груди, окидывала всех грозным взглядом, Риашти, с трудом сдерживая улыбку, дирижировал оркестром — такт отбивали ладонями по столу, Айси, фальцетом — у Люсии глубокое контральто — пытался убедить меня, что все, в чем я его обвинял, одно сплошное недоразумение.

Я — не верила.

В порыве экспрессии мой визави кинулся мне в ноги, уткнувшись в колени и рыдая, призывал кары на голову того, кто посмел осквернить его честное имя.

Заигрались мы настолько, что резкое: «Элизабет!» восприняли, как еще одну реплику.

Потом был рывок, меня откинуло к стене, секунда, и между мною и Виктором оказался Риашти.

Если у него и был протез, то полностью адаптированный. Двигался он, как кошка. Мягко и беззвучно.

— Кто вы такой?

Я «попыталась» сдвинуть Виаса, но это оказалось сложной задачей. Скала, тело словно камень.

Техника управления внутренней энергией!

Если уж непредвзято, то ничего удивительного. Насколько мне было известно, обучали во всех воинских подразделениях Приама. Другое дело, что Виас владел ею просто великолепно.

Но даже это не делало его исключением, скорее подтверждало то, что я уже успела заметить. Риашти предпочитал быть лучшим.

Виктор едва держал себя в руках. И опять, не внешне — внутренне. Расслаблен, как перед броском.

— Я? — Язвительная улыбка. — Муж этой особы! — Кивок в мою сторону. — Быстро же она нашла себе заступника!

Впору аплодировать. Вот кому на сцене выступать! Играть обезумевших ревнивцев.

Риашти сделал шаг в сторону, но так, чтобы не открыть меня полностью.

Вопросительный взгляд, и я, вздохнув, кивнула, подтверждая сказанное напарником.

Ситуацию это изменило незначительно.

— Вы на Приаме, господин муж, — спокойно, но холодно произнес Виас, отметив, как я нервно передернула плечами. — Здесь недопустима грубость по отношению к женщине. И я имею все основания вызвать стражу и сделать ваше пребывание в нашем секторе весьма коротким.

— Вот как? — Улыбка Шаевского выглядела... снисходительной. Можно было начинать гордиться собой — такого кадра привела в службу! — Но разве это мешает нам поговорить по... мужски?

И ведь не скажешь, что события развивались слишком быстро. Два горячих парня... Шаевский вписывался в Приам, делая себя своим. Методы другие, но для результата не имело особого значения.

— А победителю приз? — невинно поинтересовался Риашги и, подставляясь, развернулся ко мне.

Это стало концом мирных переговоров.

Я видела каждое их движение, но лишь потому, что была тренирована для этого.

Двигались они быстро и удивительно гармонично. Пряча за незатейливостью и шаблонностью техники свои возможности, пытаюсь свести все к минимальным воинским навыкам и... выдавая себя.

Для чего это нужно Виктору, я знала. Подобное скрытое афиширование, как и разыгранная им ревность, были весьма удачными приемами в нашем положении, когда еще неизвестно, какой из образов окажется полезным в дальнейшем.

Муж и жена? Точно!

Нужна будет любящая пара — мало ли, чего в жизни не бывает. Плохое настроение, неудачная шутка, даже банальная усталость станет прекрасным объяснением срыва. А потребуется определенная свобода, так всегда можно сказать, что такая сцена — далеко не в первый раз. И с каждым последующим становится все тяжелее справляться с его яростью. Чем не повод для будущего развода?

А вот ради чего сдерживал себя хозяин этого бара? Вряд ли опасался покалечить. Должен был уже понять, что его соперник не так-то прост.

Загадки. Опять загадки... из ничего.

Мне не стыдно было признаться, но с Шаевским в качестве напарника я чувствовала себя очень уютно. И уверенно. Этот момент не был исключением. Все, что не увидела я, сейчас вытаскивал из окружающего он.

Размышления не мешали внимательно наблюдать за их развлечениями. Надеюсь, публике тоже не было скучно. Вмешиваться не торопился никто.

А вот их интерес к тому, что и дракой-то не назовешь — ни одного пропущенного удара, даже мебель продолжала стоять на своих местах, — падал катастрофически. Ограниченность тактики, рамки которой они задали, не позволяла им развернуться. Пора было спасать.

— Прекратить! — рявкнула я так, что оба замерли мгновенно. Вот что значит... армия. — Ты, — повернулась я к «мужу», — не позорь себя и меня, ты, — пришел черед Виаса, — нечего мутузить чужого мужика! Он мне еще нужен.

Цена вовремя произнесенного слова была мне известна. Им понадобилось меньше минуты, чтобы осознать и раскаяться.

— Виас, — первым протянул Риашги руку Шаевскому.

И не скажешь, что только что защищал честь чужой жены.

— Виктор, — представился мой напарник, пожимая ладонь. — Неплохо.

К чему относилось, было ясно и без пояснений.

Хмыкнула недовольно:

— Мужская солидарность... — Оба посмотрели на меня вроде как удивленно. Мол, кто это тут? Приподняла руки, сдаваясь. — Все поняла, молчу.

— Выпьешь? — Это был Риашги. — За счет заведения?

Я недовольно скривилась — ко всем «проблемам» моего... мужа, почему бы не добавить еще одну, хмыкнула и развернулась, чтобы отойти к столу, рядом с которым сгрудились остальные участники так некстати оборванной вечеринки.

Шаевский перехватил меня за руку, когда я проходила мимо.

— Давай в другой раз, — обратился он к Виасу, продолжая жестко, но без жестокости, удерживать меня на месте. — Я тут вроде как виноват, — он улыбнулся и кивнул на меня, — предстоит извиняться.

— Это святое, — поддакнул с легкой иронией Риашти. — Оставлять разъяренную женщину у себя за спиной...

Опустив голову, скрыла невольную усмешку.

Отец тоже всегда так говорил, когда я пыталась понять, почему он постоянно уступал маме в их спорах. Когда-то для меня это было жуткой тайной, рождающей множество самых невероятных версий. Каких только причин его поведения я не выдумывала, пока не подросла и не сообразила, что делает-то он все равно по-своему. Холя и лелея, потакая капризам, едва ли не нося на руках, старший Мирайя оставался главным в доме, который держался на маме.

Жаль, с правильным выводом опоздала.

Травма позвоночника и несколько месяцев в экзокорсете уничтожили в моей жизни многое. Будущее, расписанное буквально по дням, исчезло из-за собственной беспечности. Обидно и... невыносимо больно!

Больше не было ночных вахт в рубке обязательно тяжелого крейсера, не было формы, не было армии... Больше не было ничего.

Отец не давал пасть духом, постоянно заставлял переступить через отчаяние, убеждая, что жизнь на этом не закончилась. Он, а не мама. Это позже я узнала, что она сломалась вместе со мной, и папа вытягивал из безнадеги не только дочь, но и жену. Потому и не подпускал ее ко мне, отправив к сестре и позволив вернуться лишь, когда медики сняли все ограничения. Кроме одного.

А тогда я совершила вторую страшную ошибку в своей жизни, даже не догадываясь, что буду не только корить себя за нее, но и благодарить. Уже судьбу. За новый шанс, за будущее, за найденное предназначение, которое могла пропустить, пытаясь быть похожей на любимых братьев, которыми безмерно гордилась.

В тот день, когда мама вновь появилась в нашем доме, я его покинула, предпочтя жить отдельно. Мне требовалась реабилитация, я выбрала полувоенный спортивный лагерь, находящийся на другом материке.

Сначала была курсантом, затем возглавила группу, а потом согласилась остаться там же наставником.

Не жалела об этом до сих пор.

Занятия по ситуативному анализу у нас вел директор Службы Маршалов Союза.

Окончательно окунуться в воспоминания не дала реплика Виктора:

— Ну, я же не самоубийца!

О кодовой фразе мы не договаривались, но эта прозвучала, почти как приказ.

Резко дернувшись, вырвалась из захвата.

Криво усмехнувшись, окинула обоих тяжелым взглядом.

— Вы тут пообщайтесь, а мне, кажется, пора. — И, не дав возможности высказаться, крикнула стоявшему у стойки Сиши: — Этот господин, — кивнула на Шаевского, — расплатится.

Останавливать меня никто не стал, но это уже была заслуга Виктора. Он махнул рукой, мол, не стоит, сам разберусь.

Я не успела еще дойти до конца улицы, когда он меня догнал. Передал вроде как забытую сумочку, шутливо ударил плечом.

— И как, это того стоило?

Остановилась, посмотрела на довольную физиономию напарника.

— Ничего особенного, — развела руками. Заметив, как в его глазах появляется наигранное разочарование, добавила: — Если, конечно, не считать уверенности в том, что здесь находится Горевски.

Кажется, для него это стало приятным сюрпризом.

— С Горевски — согласен. Но посмотреть издалека стоит. Для уверенности.

Я задумчиво кивнула, еще раз перебирая те немногие зацепки, которые позволили мне идентифицировать молодого любовника оперной примы, как Валесантери.

За свой талант Люсия пользовалась уважением приамцев. Но... трехлетний контракт, муж, оставшийся в Союзе, погибший сын и... интересный мужчина, которого частенько видели рядом с ней. Никто не осуждал, что не мешало обсуждать и делать выводы.

Признаться честно, я не рассчитывала на что-то серьезное от своего похода в бар, где собирались столичные журналисты, но сведения о сотруднике Шторма делали его не бессмысленным.

— Вечером — спектакль. Раз уж мы отдыхаем...

Виктор в ответ улыбнулся.

— Только без сообщений в прессе о таинственной незнакомке, которая составила конкуренцию самой Великолепной Люси.

Насмешливо приподняла бровь:

— Это вызов?

Тот качнул головой:

— Предостережение.

Обстоятельный разговор мы отложили до возвращения в отель. Не только мера предосторожности — за нами продолжали настойчиво следить, но и мое желание еще раз разобраться в собственных мыслях и ощущениях. А вот в них была путаница, и касалась она, как ни странно, в том числе и Виктора.

Увы, ассоциации выглядели пока настолько расплывчато, что до какой-то стройной картинки было далеко. Лишь отдельные имена, среди которых наиболее подозрительными были три: Шторм, Горевски и... третий сидел в кресле и смотрел на меня.

Заставив себя не поддаваться навязчивой идее, которая вполне была способна отравить мне жизнь, попросила:

— Повтори еще раз, что сказал шеф?

Во взгляде Виктора появилась ирония, но от комментариев он воздержался, сделав вид, что забыл о моем отчете, который я еще не закончила.

— У нас двадцать четыре часа свободы. Потом либо домой, либо начнем реализовывать мое предложение.

— Лучше бы первое, — выдохнула я. — А что Ромттез?

И опять Шаевский обошелся без намеков:

— Сначала отказался разговаривать, а когда узнал, что твоя просьба, обещал что-нибудь придумать.

— Вы с ним так и...

— Не поговорили, — криво усмехнулся Виктор. — Ты не о том беспокоишься.

Я ответила ехидной улыбкой:

— А если это тебя внутренне гнетет? А вдруг...

— Лиз, — угрожающе прорычал он, — у моего терпения тоже есть пределы! — Наигранный испуг на моей мордашке напарника слегка смягчил: — Только не говори, что наш друг Валесантери — единственная новость.

Поднявшись с дивана, прошла по комнате.

— Придется именно это и сказать. — Виктор молчал, никак не реагируя на мое признание. — На Эстерии — тишь да благодать. Ничего, за что можно было бы зацепиться. У меня даже возникло ощущение, что у всех блокировка. Навеселе, а ни одного подозрительного высказывания.

— Судя по добытым твоей подругой данным, все так и есть, — подумав, выдал Шаевский. — Если бы не похищения...

— И я о том же, — развернулась я к нему. — Ладно, о последнем могли заставить молчать, но в остальных не было ничего... — Я замерла, не договорив. — Говоришь, следили за тобой?

Виктор качнул головой:

— И за нами.

Я возразила, но без нажима. Мелькавшие в голове мысли были интереснее, чем спор с ним.

— Мы были вместе.

— Меткое замечание, — фыркнул он. — Не хватает данных?

Удивляться его сообразительности не стала. Представляю, что он сейчас чувствовал, ловя мой эмоциональный шторм.

Шторм... Бросив быстрый взгляд в его сторону и заметив, как он многозначительно усмехнулся — ведь точно знал, о чем я только что подумала, — отвернулась.

— Данных не хватает. На Вали рассчитывать бесполезно. На Истера, боюсь, тоже.

Шаевский в другом конце комнаты завозился, поднялся. Остановился, не дойдя пары шагов. Безопасное расстояние?

— Давай-ка спать. Ни Лазовски, ни Ромшез еще не сказали своего слова.

Я была с ним согласна, но что делать с аналитической частью себя, которая буквально пожирала крупички того, что нам было известно, и требовала добавки?!

— Только бы оно не застало нас врасплох, — чуть слышно прошептала я, зная, что услышит.

Услышал. Подошел вплотную. Дыхание спокойное, если не сказать, уверенное.

— Мы все равно справимся. Иного выхода у нас просто нет.

Прозвучало, как признание. Еще бы понять, в чем?

У меня было предположение. Появилось внезапно, от одной мысли, что так идеально просто не бывает. Неожиданное, нелицеприятное для меня и Ровера, и весьма агрессивно настроенное против Виктора.

— Ты прав, — выдохнула, избавляясь от напряжения. Возможность того, что Шаевский продолжал работать на Славу, была очень велика, но... ничего не меняла. Мы с Виктором были идеальными напарниками. Факт, который не изменить. — Пойду я спать. — Развернулась к нему: — Не будет ничего важного, не буди. И не забудь заказать билеты.

Тот улыбался, иронично глядя на меня.

— Как прикажешь, наставница!

— То-то же, стажер! — хмыкнула я, подмигнула и сбежала в спальню.

Не от себя, от него. Виктор явно собирался что-то сказать, я не хотела этого слышать.

Несмотря на некоторую внутреннюю взбудораженность, уснула сразу. Спала долго, давая себе возможность полениться столько, сколько хотелось.

Когда, уже умывшись, вышла в гостиную, от моего мнимого мужа остался только букет

цветов на столе да сообщение на дисплее его планшета: «Билеты достал, хоть это оказалось труднее, чем я думал. Ромшез свое дело сделал, доступ к данным я тебе открыл. Буду к обеду. Моя жена сегодня вечером должна быть самой красивой женщиной на Эстерии». Чуть ниже шла приписка: «И мало ли что я говорил. Люсии соперница не помешает».

До обеда оставалось всего чуть больше двух часов.

Решив, что без завтрака я обойдусь, налила себе сок и, забравшись с ногами в кресло, занялась информацией, которую добыл для нас Истер. Не знаю, по собственной инициативе, или Виктор попросил выяснить не только подноготную новоявленного старшего розысника, но там были и данные, касающиеся похищений.

Чтобы избежать искушения, перебрала пакет на свой планшет. И привычнее, и не отвлекает желанием взломать защиту. Бесплезно даже пробовать, но ведь хочется.

Про искушение и желание забыла сразу, как только прошлась взглядом по послужному списку Иари Куиши.

Сорок пять лет — выглядит обманчиво моложе, что не удивительно. На Приаме средняя продолжительность жизни не меньше, чем в Союзе — около ста тридцати лет. Треть жизни...

Оценивать по годам было глупо, только дела могли что-то значить.

В службе больше двадцати лет, участвовать в расследованиях начал еще до окончания Высшей Школы розыска. Среди сильных сторон — анализ поведенческих реакций, разработка психоматриц и сверхточное оперирование категориями изменчивости при проведении крупномасштабных операций.

Вернусь в Союз, найду Ромшеза и расцелую. Одна фраза, и все встало на свои места. Включая утреннее исчезновение Шаевского. Судя по всему, он пришел к тем же выводам, что и я, потому и изменил свое решение не бросаться в глаза.

Вызов в Управление был источником сведений для этого самого анализа. О том, разочарован Куиши или нет, нам предстояло только узнать, но... интуиция подсказывала, что думать о скорой встрече с шефом не стоило.

Дальше шло описание его операций. Сухо, без комментариев, одни факты. Ничего более и не требовалось. Из четырнадцати крупных — четырнадцать закончились задержаниями и серьезными приговорами. Еще бы понять, насколько лучше был его погибший командир группы дознания?

Впрочем, могло быть и иначе. Начальство считало, что Куиши предпочтительнее держаться в чьей-нибудь тени. В его случае выглядело вполне оправданным.

Дошла до конца файла, сощурилась от удовольствия.

Забота Истера была неожиданно приятна. Постскрипум был в его духе: «У твоего нового знакомого широкая сеть осведомителей. Извини, взломать не удалось, и так едва не зацепили, но уверен, что среди журналистов у него люди тоже есть. Поэтому, когда в твою прелестную головку придет гениальная мысль, не забудь, что ты не одна такая умная».

Стоило признать, что напоминание лишним не казалось. И касалось оно не только пока что мало известного Иари Куиши, но и тех, с кем была знакома значительно дольше.

Того же самого... Шторма.

За последние пять месяцев я вспоминала о Славе значительно чаще, чем в те дни, когда была в него влюблена.

Второй файл просмотрела по диагонали. Сведений в нем было больше, чем у Валенси, но так же, как у подруги, в них не хватало нужной мне информации.

«Или вы знаете все, или... ничего!» Ровер знал, о чем говорил.

Это случай был как раз из тех, когда отсутствие крошечного нюанса могло угробить всю систему. Сейчас же речь шла о значительно большем, чем о нюансе.

Если между похищениями была связь, а она просто обязана была быть, — масштабы требовали, — то данных для ее поиска катастрофически не хватало.

Кто. Откуда. Срок пребывания. Отели, в которых останавливались, экскурсии, которые посещали...

Искать нужно было не там. Точнее, не только там.

Кто давал разрешение на въезд? Кто принимал в космопорту? Кто контролировал безопасность, — была на Приаме и такая служба, — страховал? Кто организовывал развлечения? Входят ли гостиницы в единую сеть? Только ли столица отличилась, став поставщиком живого товара, или промысел захватил всю планету? Да и одну ли планету, когда в секторе населенных более двадцати и все представляют интерес для туризма?

Что значит небольшой перевес в сторону мужчин, который заметен в статистике Ромшеза? Или это я неправильно поставила задачу Вали, поинтересовавшись только парами?

Вопросов было множество, ответов — ни одного. Дать их мог только Куиши, но для этого он должен был захотеть использовать нас в своих планах.

На этой мысли меня и прервал ввалившийся в номер Виктор. Шальной взгляд, довольная улыбка, в руках два больших пакета и плоская коробка.

Заметив меня в кресле, шутливо нахмурился.

— Ты еще не готова?

— К чему? — несколько растерялась я, слегка ошалев от напора. Напоминал он сейчас скорее стихийное бедствие, чем моего уравновешенного напарника.

Следующие слова подтвердили мои подозрения:

— Женщина, я тебя сейчас съем! — грозно зарычал он и, явно намереваясь исполнить сказанное, двинулся в мою сторону.

Вот и как не закрывать глаза на все его возможные прегрешения?!

* * *

Шторм ответил на вызов настолько быстро, что у Лазовски появилась кощунственная мысль: тот следил за ним в его же собственном офисе.

Теоретически было возможно, практически... практически Ровер продолжал верить другу. Знал, на что тот способен, когда речь идет о цели, к которой стремился, но помнил и другое: Вячек никогда не совершал ошибок дважды. А большинство успевал исправить до того, как они приобретали статус непоправимых.

С Зерханом у него не было выбора, но он все равно справился, сумев сохранить то, что их связывало.

— Что-то с Элизабет?!

Там, на той стороне экрана, Шторм резко поднялся, пошатнувшись, оперся на край стола.

Лазовски слабость друга заметил, но промолчал.

О том, что у Славы были серьезные проблемы, Геннори знал. Все произошло меньше чем через месяц после окончания эпопеи с арестом главы дипломатической миссии

Самаринии.

Еще не успели перевести дух, да подвести итоги, как грянуло там, где и не ждали — исчез один из кораблей, сопровождавших объединенную делегацию, приглашенную неожиданно объявившимися предками демонов — домонами.

И так веселого мало, в своей галактике затеряться не сложно, а тут чужая, так еще и не обошлось без личного. На борту дальнего разведчика находилась дочь их бывшего командира — капитан третьего ранга Наталья Орлова и офицер Шторма, майор Игорь Таласки.

Сведения не афишировалось, но с Лазовски связался сам генерал Орлов. Рассказал обо всем, что произошло, ничего не утаивая. Утечки не боялся, есть отношения, при которых и понятия-то такого не существовало.

На слова поддержки махнул рукой — разберется, но тут же, словно только что не шла речь о нем самом, попросил связаться со Штормом. Полковник в сочувствии тоже не нуждался, если только в некотором отрезвлении. Были у старшего Орлова подозрения, что его бывший подопечный подошел к грани, за которой чувство мнимой вины способно взять верх над разумом.

Чем это может обернуться в исполнении полковника, генерал думать опасался. Лазовски, кстати, тоже. О степени одержимости куратора Службы Внешних границ от контрразведки оба предпочитали только догадываться.

С того дня у Лазовски и ночи у Шторма, когда они надирались, сидя каждый в своем кабинете, и молча смотрели друг на друга, прошло три месяца.

Орлов оказался прав, пропажа обнаружилась сама. Да так, что волна от тех событий добралась и до Союза. Знали об этом немногие, помощник директора Службы Маршалов Союза был среди них.

В режиме строжайшей секретности Штаб Объединенного Флота начал подготовку к вторжению извне.

Похоже, для полковника начавшиеся тогда события не просто не закончились, но и набирали обороты. Было понятно, что Шторм не останется в стороне от таких дел, но, глядя сейчас на друга, у Лазовски возникало ощущение, что тот уже совершенно загнал себя, взваливая на свои плечи значительно больше, чем мог вынести.

Идея обратиться за помощью к старому другу больше не казалась правильной. Со своими сложностями он мог разобраться и сам.

— С ней все в порядке. Просто хотел увидеть.

Шторм ответил усталым, но жестким взглядом. Сел обратно в кресло, потянулся за инъектором, но движения не закончил. Роверу было видно, что тот безнадежно пуст.

— Извини, — полковник докрасна растер мочки ушей, крутанул усы. После проигранного Таласки спора те успели отрасти, — шестые сутки без сна, а тонизаторы медики запретили, говорят, что опасно. А тут, — он повысил голос, но тут же, спохватившись, продолжил уже тише, — не знаешь, что опаснее!

— Людей не хватает или доверяешь только себе? — с легким ехидством поинтересовался Лазовски. По прошлому знал, что сам Шторм в число тех, кого он способен пожалеть, не входит. — Не думал, что будет, если не выдержишь?

Тот, что удивительно, спорить не стал.

— Думал. Потому и тороплюсь.

Лазовски не оставалось ничего, как только вздохнуть. Неисправим!

— Моя помощь нужна?

Во взгляде, который кинул на Ровера Шторм, в иронии можно было захлебнуться.

— А если скажу, что нужна, бросишь все и примчишься?

— Могу и примчаться, — хмыкнул Лазовски, замечая, как слегка расслабляется Вячек. — Помощники натасканы, справятся. Да и нет пока ничего, что требовало бы пристального внимания.

— Почти поверил! — На лице полковника появилась едва заметная улыбка. — Но только почти! Выкладывай, во что еще вляпалась наша любительница приключений?

— Вячек...

Тот качнул головой и резко прервал:

— Я ценю твою заботу, но понимаю и другое: раз уж ты решил со мной связаться...

Он не закончил сам, давая понять, что ничего не забыл. Что помнит, как рисковал женщиной, которую Геннори любил. Что признает свою вину, хоть и оправданную, но все равно оставшуюся между ними невысказанными словами. Что...

Возможно, многое из этого уже почти не имело значения, но оно продолжало таиться в каждом из них, добавляя дружбе ненужных проблем, но пока еще не отменяя самой дружбы.

— Элизабет и Шаевский на Приаме.

Шторм кивнул — в курсе, но посчитал правильным добавить:

— Нравится тебе или нет, но Виктора я верну.

Лазовски сделал вид, что не услышал.

— Их подопечные убиты. Вместе с командиром группы дознания и охраной.

Полковник откинулся на спинку кресла, закинул руки за голову. Потом, не сдержавшись, наклонился вперед, упершись ладонями в стол.

Прорычал недовольно:

— Ведь чувствовал, что там нечисто!

— Чувствовал? — переспросил Лазовски, сощурившись. — Говоришь так, словно там что-то затевается...

— Да ничего не затевается! — Реплика Шторма была излишне резкой.

Ровер проигнорировал и это. Усталость. Выдержка полковника еще не сдалась, но уже отступала.

Словно опровергая мелькнувшие у Лазовски мысли, Шторм продолжил совершенно иным тоном:

— Я про Приам никогда не забывал. Кто-то из моих всегда находится там, чтобы наблюдать ситуацию изнутри. Самариняне в секторе есть, но ведут себя тихо, никаких намеков на активные действия.

— А с побегом Исхантеля это не может быть связано?

Шторм усмехнулся, довольно качнул головой:

— Знаешь? — Отвел взгляд, передвинул планшет на столе, снова посмотрел на Лазовски. — Откуда, не спрашиваю, хоть и интересно. Но на твой вопрос ответу — нет, не связано. Там своя игра.

Ровер кивнул:

— Я так и понял.

Теперь был черед Шторма не замечать язвительного высказывания.

— Об исчезновениях людей мне докладывали. Первые три версии: самариняне, вольные и выкуп, отпали. Вольные, вроде, имели какое-то отношение к происходящему, но то всплывали, то исчезали... Ничего конкретного. Я приказал смотреть за ситуацией, особенно,

когда там оказывался кто-то из наших.

— Так... побег женщины...

Полковник махнул рукой.

— Моих рук дело. — Ровер приподнял бровь, Шторм поправился: — Горевски подсуетился, когда стало известно.

— Этот тоже там?!

Шторм уронил голову на сложенные в замок ладони. Тяжело вздохнул.

— У него длительный отпуск.

— Мне это не нравится, — не поддержал шутку Лазовски. Когда полковник выпрямился в кресле, еще и добавил: — Очень не нравится.

— Лучше бы отозвать эту парочку, но, боюсь, приамцы уже имеют на них виды. Не хочется портить с ними отношения, могут пригодиться.

— Уговариваешь?

— Думаю вслух, — отрезал полковник. — От тебя что-нибудь зависит?

Ровер смотрел на Шторма и молчал, просчитывал варианты. Не самая легкая задача, когда из данных — лишь уверенность друга да собственные опасения.

Когда его люди работали в Союзе, где была хоть видимость некоего контроля, и то не обходилось без сюрпризов. А в чужом секторе только и оставалось, что рассчитывать на помощь друзей из контрразведки, которые довольно часто забирались в чужие епархии, не всегда правильно понимая свои функции.

Как бы ни хотелось возразить, но Славка был прав. Приамцы едва ли не впервые обратились за помощью, это стоило учитывать. Как и Шаевского, успевшего сработаться с Элизабет, что хоть и слегка, но уменьшило беспокойство Лазовски за нее.

Виктор был сильным игроком, но, что ценнее, без авантюризма, которым страдала Мирайя. Шалопаем он только казался, предпочитая четкий расчет взвешенному риску.

— У Элиз впервые проснулось чувство самосохранения, передала, что без моего приказа действовать не начнет.

— И ты ей веришь? — с улыбкой, хоть и усталой, но уже не похожей на оскал, поинтересовался Шторм. Заметив, как усмехнулся Лазовски, разделяя сомнения, закончил: — Вот и я нет. — Пауза была короткой, но ее хватило, чтобы тот принял решение. — Давай ей добро на работу. Я давно искал повод, чтобы отправить туда группу, считай, ты мне его дал — буду должен. Не кинут моих, возьму на «слабо» ребят из военной разведки. И... — он мог не продолжать, они понимали друг друга и без слов, но на этот раз Шторм предпочел их произнести, — на твоём месте я бы как можно скорее оказался на Эстерии. Раз говоришь, что помощники справятся...

Ровер полковника понял правильно. Дело было не только в том, во что могла влезть Элизабет. Сейчас речь шла уже о возможности пожалеть об упущенном им времени.

* * *

— Прошу меня простить...

Подумав, что все-таки была права, когда попросила Виктора оставить меня на несколько минут одну, посмотрела на подошедшего мужчину.

Короткие, почти белые, высветленные волосы. Очень светлые, серо-голубые глаза.

Жесткие скулы, раздвоенный подбородок. Классический белый костюм, с молочным отливом рубашка, фиксатор воротника-стойки усыпан довольно крупными кристаллами кротоса. На руке перстень. Тоже кротос, в тяжелой оправе. Целое состояние.

— Я позволил себе бестактность подойти к вам, но...

— Мы летели с вами на одном лайнере, — воспользовавшись короткой паузой, произнесла я равнодушно. — Я вас помню.

Несмотря на мою отстраненную реакцию, в его улыбке виделось облегчение. Только взгляд оставался холодным.

— Дайрис Ханри, к вашим услугам! — Он поклонился, как принято на Приаме, но когда я протянула руку, легко коснулся запястья губами. — Я могу узнать, как зовут мое наваждение?

Посмотрела на него с интересом:

— Элизабет Кирайя. — Усмехнулась, на миг опустив ресницы. — Приятно слышать, что стала наваждением владельца корпорации «Ханри Сэвайвил».

— Я настолько популярен у красивых женщин? — несколько удивленно полюбопытствовал он. — Не замечал, чтобы моими голографиями пестрели информканалы.

В моей улыбке можно было заметить сарказм.

— Не помню имени журналистки, но описала она вас примерно так: «Никто не знает, что он предпочитает носить дома, но сотрудники видят его только в белом. И лишь черный камень на его пальце разбавляет ослепительное сияние». — Я чуть задумалась... — Припоминаю еще одну фразу, она мне понравилась: «Легкая небрежность, оживляющая возведенную в закон жизни идеальность!» Кажется, она касалась вашей прически.

— У вас поразительная память. — Он смотрел на меня с восхищением. — Ведь эта заметка была написана года четыре тому назад.

Ответила неопределенным жестом — пустое. Не говорить же, что эту самую формулировку для Валенси придумала я, она все никак не могла подобрать точное определение своим ассоциациям.

— Вы абсолютно правы, у моей жены поразительная память! — Виктор появился неожиданно даже для меня. Опять использовал свои фокусы. — С кем...

Я остановила Шаевского, легко тронув за руку:

— Милый, позволь тебе представить владельца «Ханри Сэвайвил», господина Дайриса Ханри. Кстати, мы с ним летели на одном лайнере.

Агрессивность Виктора исчезла, словно ее и не было. Осталось лишь ощущение опасности, как предупреждение. Но это для тех, кто умел чувствовать. Этот, похоже, умел.

Мое сердце кольнула боль. Остро, пронзительно, заставляя замереть, не в силах шевельнуться.

Но ни один из них этого словно и не заметил. Я же... запретила себе ее показать, отложив мгновение мелькнувшего отчаяния в памяти. Была уверена, что пригодится.

— Виктор Шаивский. — Ханри протянутую руку пожал. Крепко, уверенно. А мой напарник, не дав перехватить инициативу, тут же уточнил: — Это ведь ваша корпорация является основным поставщиком систем жизнеобеспечения?

Ханри с ответом не помедлил, дав понять, что наблюдательность присуща и ему:

— И не только для армии, господин Шаивский.

Шаевский мгновенно принял передачу, меняя стиль игры, перетягивая внимания с меня на себя.

— Если это не нарушает ваших правил, то просто Виктор.

Он продолжал стоять, прикрывая меня, как этой ночью Риашти. Но если Виас хотел только защитить, то этот предьявлял права, всем своим поведением декларируя свою власть надо мной.

Это поняла не только я.

Легкий прищур и...

— Я люблю нарушать правила. И иногда позволяю нарушать свои... Дайрис.

Трудно сказать, как далеко зашло бы их скрытое противоборство, если бы в этот момент не прозвучало приглашение пройти в зал. До начала спектакля оставалось пятнадцать минут.

Мы довольно мирно — внешне — распрощались, договорившись встретиться во время приема, который должен был состояться после представления, и разошлись в разные стороны. Наша ложа располагалась в бельэтаже по левой стороне, откуда предпочитал слушать оперу глава мегакорпорации, только предстояло узнать.

— Что думаешь? — легко придерживая мою руку на своем локте, спросил Виктор, тяжелым взглядом отвечая на интерес ко мне других мужчин. Он продолжал играть в ревность.

У него это неплохо получалось.

Я бы тоже поверила, но мой наряд был выбран именно им. Шаевский сделал все, чтобы привлечь ко мне внимание, и добился в этом успеха.

Не забыл, правда, и о себе. Мое платье было белым. Костюм Виктора — черным.

Смотрелся он так, что я боялась за рассудок местных барышень. Была в Шаевском мужественность, которую он обычно умело скрывал. Сейчас же она не то чтобы бросалась в глаза, она окутывала весь его образ, притягивая к себе, заставляя следить взглядом.

Я рядом с ним не терялась. Обнаженная шея, единственным украшением которой была она сама, открытая спина, присыпанная сверкающей пудрой, руки, в переплетении тонких нитей, которые скользили к полупрозрачным перчаткам.

Мужчины при моем приближении склоняли головы, приветствуя, как это было принято на Приаме. Вслед здесь не смотрели — дурной тон.

— Он из тех, кто добивается своего, — задумчиво протянула я, вспоминая наш давний разговор с подругой. — Валенси посчитала, что совершила большую глупость, встретившись с ним. Потом долго вспоминала, а как-то вообще заявила, что у него нет души.

Виктор даже остановился на мгновение, будто не поверив тому, что услышал.

Или просто хотел осмотреться?

— По крайней мере, странное впечатление от человека, который занимается спасением чужих жизней.

Многословность Виктора впечатлила. Я посмотрела на него даже не удивленно — растерянно.

Виктор, заметив мое замешательство, сжал мою ладонь, потянул за собой.

— Шуэр — очень мудрая и опасная женщина. Я бы прислушался к ее мнению.

Прокомментировать его предложение я не успела, Шаевский подвел меня к ложе. Отпустил мою руку, сдвинул в сторону тяжелую портьеру.

Мы были не первыми, в одном из восьми кресел уже сидела юная девушка, при взгляде на которую тут же вспоминались ночные приключения.

Словно откликаясь на мои мысли, ткань снова дернулась, пропуская внутрь еще одного зрителя.

Я обернулась, встретила с ним взглядом.

— Чем неподатливее тайна, тем проще разгадка, — разочарованно передернула плечами, снисходительно посмотрев на... мужа.

Как Виктору в кратчайшие сроки удалось достать столь удачные билеты, я, как ни старалась, угадать не смогла. Появление Риашти раскрывало секрет изобретательности Шаевского.

Впрочем, я могла сообразить и раньше. Вариантов попасть на премьеру, озаботившись этим в последний день, было немного.

Виктор тяжело вздохнул и развел руками, демонстрируя, что пасует перед женским непостоянством.

Виас ответил доброжелательным взглядом девушке — я посчитала ее дочерью, поклонился мне, подал руку Виктору, заметил вскользь:

— Недовольство женщины — результат ошибочной тактики мужчины.

Я победно задрала подбородок и, смягчая выбранную мною роль, нежно коснулась ладонью щеки Виктора.

В его глазах мгновенно появился отголосок страсти (ох, шельмец, доиграется!), но он тут же опустил ресницы, пряча разгорающийся пожар.

Трудно не поверить, если не заметить в ложе напротив Валесантери, который как раз смотрел на нас.

Ничего удивительного, в этом зале за нашей парой наблюдали многие. Не сказать, что мы уж сильно выбивались из местного общества, но пока были для него загадкой.

На это мы с ним тоже рассчитывали.

Эмоциональный накал сбросил гаснущий свет. Маски, роли, игры... обо всем этом можно было забыть, не опасаясь последствий. Главное действие перемещалось на сцену, мы же отступали в тень, добровольно сдавая позиции.

До конца спектакля меня в этом мире не существовало. Я едва заметила, когда в ложу вошли еще трое. Семья: муж с женой и юноша, примерно того же возраста, что и племянница Риашти — я ошиблась, но в этом не было моей вины. Дочь его погибшего брата-близнеца, которую он нам представил как Алиену.

Когда раздались звуки музыки, еще одно кресло продолжало оставаться пустым. Но я на это даже не обратила внимания. А зря...

Впрочем, изменить это ничего не могло.

Контральто Люсии было божественным. То растекалось патокой, то напоминало ураган, то казалось далеким эхом. Голосом она владела виртуозно, заставляя радоваться вместе с собой, впадать в ярость, страдать, тосковать...

Но искусно пользовалась она не только им — жила на сцене, не позволив фальши тронуть скорбные жесты, пылающие гневом взгляды, то резкие и порывистые, то полные боли и отчаяния движения.

На глаза наворачивались слезы, когда Люсия, укрытая черным покрывалом, застыла над телом погибшего мужа. Хотелось встать рядом, когда призывала воинов отомстить за смерть своего правителя. Холодом обдавало сердце, когда узнала о предательстве того, кому безоговорочно верила. Сжимало горло, когда в разодранной одежде лежала на каменном ложе и, умирая, благословляла сына продолжить ее дело. Он успел и... опоздал.

На Приам стоило прилететь только ради того, чтобы ее услышать.

Мысль отдавала истерикой. Благодаря отцу знать приму лично, но впервые ощутить на

себе силу ее таланта именно здесь! Еще один парадокс жизни в череде таких же, как он.

Когда опустился занавес, зал затих. Кто встал первым, я не заметила, от него отстала ненамного.

Не было аплодисментов, криков «Браво», лишь зрители поднимались один за другим, в молчаливом восхищении.

Что меня заставило обернуться как раз в этот момент, я не знаю. Как ни пыталась потом вспомнить, так и не смогла. Ни ощущения, ни звука, ни пойманного краем глаза движения.

Предчувствие беды? Случайность? Попытка судьбы уберечь от неизбежного будущего?

Не имело значения — что. Важнее был именно этот миг.

Дайрис Ханри стоял в сумрачной тени, разрезанной надвое светом, пробивающимся сквозь неплотно прикрытые портьеры, и смотрел на меня.

Ни с Люсией, ни с Валесантери пообщаться не удалось, хоть Риашти и обещал представить нас им. С Алексом Белью, как звали здесь младшего Горевски, он был неплохо знаком.

Не успел, холл Оперы, где проходил прием, мы с Виктором покинули раньше, чем прима спустилась к гостям.

Причиной бегства стал Ханри. Он столь часто оказывался поблизости, что это начало напоминать преследование. Судя по тому, как все тревожнее становился взгляд Шаевского, его такое внимание к моей персоне серьезно беспокоило.

Я особой угрозы со стороны владельца мегакорпорации не ощущала, но предпочла довериться напарнику. Он вполне мог чувствовать то, что пропустила я.

Впрочем, я была не совсем честна с собой, утверждая, что всего лишь соглашаюсь с мнением Виктора. Тот взгляд Ханри из темноты ложи продолжал отдаваться ознобом, стоило лишь вспомнить. Было в нем что-то... похожее на приговор.

Уйти совсем чисто не удалось, Виктор отошел буквально на пару минут, чтобы предупредить Горевски о необходимости встречи, как Дайрис тут же воспользовался предоставленной ему возможностью. Нас с Риашти, к которому я направилась, заметив приближение Ханри, разделяло не больше десяти шагов, когда тому удалось меня перехватить.

Когда мужчина замер напротив, пришлось остановиться и мне. Одно дело избегать общения, другое — откровенно проигнорировать.

— Я вас пугаю?

Его прямолинейность делала ему честь, но я не торопилась с выводами. За тенью обиды, которую видела в его глазах, прятался гнев. Похоже, он не привык, чтобы ему отказывали.

Уклоняться от ответа я не стала, как и приукрашивать его. Рассчитывала, что моя честность сделает то, что не удалось намекам.

— Да, господин Ханри. Ваша настойчивость мне совершенно не импонирует. К тому же вы испытываете терпение моего мужа, мне это неприятно.

Он дал мне объясниться, я даже на мгновение поверила, что этих слов будет достаточно. Ошиблась, видя только мужчину, но забыв про ту власть, которую он удерживал в своих руках.

Достичь подобного уровня и легко отказываться от своих намерений... нонсенс!

— Вашего мужа?! — Он зло усмехнулся. — Так вот в чем дело?!

Кажется, мы с ним говорили на разных языках. Это еще не пугало, но уже настораживало. Избавиться просто не получится. А не просто?

Пришлось добавить голосу жесткости.

— Я люблю Виктора и не хочу подвергать наш брак бессмысленным испытаниям. Я не для того выходила за него замуж, чтобы смотреть на других мужчин.

Ханри слушал внимательно, но если судить по надменности, все более четко проявляющейся на его лице, меня он не слышал.

На этот раз оказалась права, но радости от этого факта не испытала.

— Вы обманываете себя, Элизабет. — Он смотрел на меня твердо, если не сказать —

беспощадно, будучи абсолютно уверенным в том, о чем говорил. — Господин Шаивский не любит вас так, как вы этого заслуживаете! Не ценит! Я наблюдал за вами...

— Прекратите! — шепотом закричала я, не позволив ему закончить. Ситуацию я больше не контролировала, и с этим нужно было что-то срочно делать. Глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться... Безуспешно! Ханри удалось то, что не сумел сделать даже Исхантель — лишить меня выдержки. — Вы заставляете меня сожалеть о нашем знакомстве.

Мой тон его не задел, а слова...

— Сожалеть? — Лицо Ханри закаменело, в глазах появился опасный блеск. — Вы измените свое мнение! — Он замолчал, бросил быстрый взгляд мне за спину и, скривившись, добавил: — Быстрее, чем думаете.

Покинул он меня, не простившись. Просто развернулся и ушел.

Большого облегчения это не принесло, расслабиться я так и не сумела. Сердце билось заполошно, во рту пересохло, взгляд метался.

Ничем не объяснимые страх и ярость! Не самое лучшее состояние!

— Что он хотел? — Виктор не просто подошел вплотную, прижал меня к себе, приобняв за талию.

Тело предательски дрожало.

Узнай Лазовски... Мысль оказалась своевременной, помогла хоть немного, но избавиться от напряжения.

— Тебе как, в подробностях или кратко? — грубее, чем стоило, отрезала я.

Шаевский, словно мы были одни, развернул к себе, посмотрел в глаза.

Больше, чем друг. Напарник. Тот, кто всегда окажется рядом, переступив и через невозможное.

Он догадался, о чем я подумала, кивнул, подтверждая.

— Сутки истекнут через три часа. Завтра мы либо покинем Приам, либо... начнем работать. В любом случае, ты с ним больше не встретишься.

— Я помню, — хоть и с трудом, но я заставила себя улыбнуться. — И... — на мгновение закрыла глаза, проверяя, насколько то, что я собиралась произнести, будет правдой. — Такого больше не повторится.

Виктор не стал убеждать меня, что верит, просто отстранился, согнул руку, предлагая на нее опереться.

Добирались мы до отеля пешком, на этом настоял Шаевский, не вняв аргументам про высокие каблуки и вечернее платье. Считал, что ничто лучше прогулки и звездного неба (где он нашел звездное небо в центре современного города?) не вернет мне спокойного расположения духа.

Спор прекратило его заявление: не смогу идти, возьмет на руки и понесет.

Я это запомнила.

Стонать, что устала, начала, как только мы пересекли площадь перед Оперой.

Вопреки моим опасениям, ночь была уютной. Относительно прохладной, с легким, свежим ветерком и воздухом, в котором очень гармонично переплетались отголоски жаркого дня, колючая терпкость моря и сладковатый аромат цветов, в которых столица буквально утопала.

Шаевский слушал мое ворчание с легкой улыбкой, время от времени показывая взглядом на немногочисленных прохожих. Я ненадолго замолкала, лишь постанывая при каждом шаге, но начинала ныть снова, как только те удалялись достаточно далеко, чтобы не слышать.

Потом, когда я уже почти начала праздновать победу, фыркнул и предложил вообще снять туфли и выбросить их в фонтан, мимо которого мы как раз проходили.

Объяснить ему, что это будет выглядеть весьма неприлично, я не успела. Идея Виктору настолько понравилась, что он тут же кинулся претворять ее в жизнь.

Захват — я уклонилась, отвечая шутливым ударом в корпус, от которого тот легко увернулся.

Второй — его я опять избежала, но едва успев. Распирающий меня смех не давал действовать быстро. Выражение лица у напарника было такое уморительное, что сдержаться оказалось трудно.

Третий — я уже хохотала в голос, так что через пару секунд оказалась сидящей на бордюре. Капли водяной пыли, холодея, падали на спину, щекоча, скатывались вниз.

Лазовски об этом точно знать не стоило. Дети, а не маршалы.

Шаевскому показалось мало.

— Отдай! — грозно прорычал он, плотоядно нацеливаясь на мою обувь и протягивая к ним руки.

Это была уже наглость!

— Не отдам, — взвизгнула я, дрыгая ногами.

Не задела лишь благодаря его молниеносной реакции. Подведи она, ходил бы с располосованной каблукон физиономией.

— Мое! — вновь двинулся Шаевский на меня.

— Подавись! — всхлипнула я, стянула туфлю и, задыхаясь от смеха, бросила в Виктора.

Поймал, прижал к себе, уркнул от удовольствия.

Я — согнулась, уже почти плача.

Если Шаевский хотел отвлечь меня от воспоминаний о Ханри, ему это удалось.

— Госпожа?

Появление патруля городской стражи мы пропустили оба.

Я, вытирая слезы и пытаясь успокоиться, взглянула на поднимающегося с колен Виктора.

Гнать нас надо в шею...

Тот, в ответ, иронично подмигнул. Мол, кого именно?!

Понятно, ситуацию контролировал и заметил, когда и откуда появилась эта троица.

— Простите, офицер, — не улыбаться не удавалось, так что я буквально сглатывала, чтобы казаться серьезнее, — мы не...

Виктор закончил за меня:

— ...хотели.

Кажется, наше веселое настроение оказалось заразительным. Смотрели на нас уже не так строго.

— Я так и понял, — заверил нас старший патруля и добавил: — И все-таки, я хотел бы проверить ваши идентификаторы.

Я разочарованно вздохнула, насупилась и протянула руку к сканеру, только после этого заметив, что вторая туфля зажата у меня в ладони.

Напарник кашлянул, пряча смешок, я, смутившись, опустила взгляд. Патрульный сделал вид, что не заметил.

Ну, доберемся мы до отеля!

— Благодарю вас, госпожа Кирайя. Ваш? — Офицер поклонился мне, повернулся к

Виктору.

Тот засунул свой приз в карман пиджака, вызвав у меня истерический стон, и подал руку.

Пока старший считывал информацию, двое патрульных, словно невзначай, передвинулись, встав справа и слева от Шаевского.

Опасности они не представляли — стандартная процедура, но я все равно насторожилась. Мало ли...

Общение с Ханри заставляло искать подвох в самых привычных вещах.

Чуть отпустило, когда офицер, отключив сканер, произнес:

— Благодарю вас, господин Шаивский. И... — он помедлил, взглянул на меня. Представляю, о чем он мог сейчас подумать. Растрепанные волосы, пылающее лицо, босые ноги и... уже не совсем белое платье, — поздравляю вас и вашу жену с годовщиной свадьбы.

— Что? — вскрикнула я удивленно. Когда все обернулись ко мне, соскочила с бордюра и прямо босиком двинулась на Виктора. — И ты мне не напомнил!

Засмеявшись, кинулась ему на шею.

Больше с его рук я уже не слезла, нес до самого отеля, на радость зевакам, которые, вопреки местным традициям, смотрели нам вслед.

Когда уже подходили — там и было-то всего чуть больше километра, попыталась соскользнуть. Не удалось, держал крепко, как добычу.

Так и прошли мы через весь холл. Он, словно и не замечая заинтересованных взглядов, я... делая вид, что иначе и быть не могло.

Отпустил меня Виктор сам, как только вышли из лифта на своем этаже. Поставил на ковер, остановил жестом, не давая пройти к номеру первой.

Заметив застывший в моих глазах вопрос, качнул головой.

У нас были гости, но не те, которых опасалась я.

* * *

Куиши спал. Опустив ниже спинку одного из кресел и закинув ноги на подлокотник другого, передвинутого поближе.

Когда мы вошли, лениво потянулся, уже одним этим располагая к себе (вопрос: как он попал в номер, у меня даже не возник), приоткрыл один глаз, чтобы тут же открыть оба. Окинул нас заинтересованным взглядом, вяло поинтересовался:

— Это сейчас так принято?

Во время беседы в его кабинете он производил совершенно иное впечатление.

Впрочем, ничего удивительного. Как сказал Виктор: «Здесь мы — не там!»

Ни его вопрос, ни собственные мысли комментировать я не стала, попросила Шаевского приготовить кофе и сбежала в спальню, переодеваться. К серьезному разговору мой вид точно не располагал.

Когда вернулась, облачившись в тренировочный костюм, Виктор как раз разливал напиток.

Повернулся ко мне:

— Тебе сладкий?

Вздохнула и качнула головой. Этот нюанс моих пристрастий интересовал его уже далеко

не в первый раз. Ответ всегда был одинаков.

Успев забрать кофе до того, как он едва не сыпанул туда местного подсластителя — и зачем тогда спрашивал? — поставила чашку на ковер. Сама устроилась рядом, подогнув одну ногу под себя и откинувшись на боковую спинку кресла.

Мне было удобно, остальные могли и потерпеть.

— На живца?

Подгадала как раз под поток, но Куиши, оправдав надежды, даже не поперхнулся. Лишь прищурился. Оценивающе.

— Это не наш стиль.

Я пожала плечом.

— Зря! — Осмотрелась, вспомнив, что не прихватила планшет.

Теперь уже вздохнул Шаевский, который как раз собирался присесть в облюбованное мною кресло. Понимал, что месть, но ведь не придерешься.

Я молчала, пока он не вернулся. Вместе с чашкой, которую не рискнул оставить мне на сохранение, и обоими планшетами.

Забрав свой, продолжила, будто и не замечая, насколько внимательно следит за нами розыскник:

— Отсутствие женщин в вашей системе могло дать шанс, что игру не просчитают.

— Возможно, — не стал спорить Куиши. — Если будет необходимо, воспользуемся и этим вариантом, пока же...

Я перебила, обернувшись к Шаевскому. Смотреть снизу вверх и назад было неудобно, но тут уж было не до комфорта.

— Говоришь, либо покинем Приам, либо начнем работать?

Иари не отреагировал и на этот раз. Вряд ли для Куиши подобные выходки были привычны — про стиль он не просто так сказал, но и нас останавливать не торопился, предпочитая досмотреть представление до конца.

Нам предстояло вместе работать, не самый худший способ притереться.

— Не хотел тебя расстраивать, — оправдываясь, пробурчал Виктор и поспешил поднести чашку к губам, в надежде, что это заставит меня замолчать.

Иногда ошибался и он.

— Чем?

Во взгляде Виктора появилась обреченность.

А не надо было заглядывать к нам в гости незваным!

Кажется, розыскник это уже понял.

— А ведь я не с пустыми руками, — вклинился он в нашу перепалку, одной фразой заставив меня забыть о претензиях к напарнику. — Данные по всем похищениям за последние два года.

Подскочила я быстрее, чем Виктор поднялся из кресла.

Забрав слот, снова устроилась на полу, облокотившись теперь уже на ноги Шаевского, вставила в паз планшета.

Система ругнулась на защиту, розыскник попытался назвать код доступа, но я остановила его жестом. Программка Ваню действовала обманом, не вгрызаясь во внутренности, а уговаривая поверить, что они — одной крови.

Сейчас дело шло медленнее, чем обычно — как-никак, а при схожей шаблонности алгоритмов, наши и их структуры кодирования отличались значительно.

Спустя минуты три, кинув торжествующий взгляд на несколько обескураженного Куиши, залезла в данные, которые он подготовил.

— Здесь только по Эстерии?

— Второй...

— Вижу!

— Теперь можно и поговорить, — вроде как с облегчением вздохнул Виктор.

Двинула кулаком по его стопе.

— Интересно! — подняла взгляд на Иари. — Значит, путешествующие в одиночестве мужчины, пары и изредка женщины.

— Тех, за кого требовали выкуп, я выделил в отдельную группу.

Посмотрела на него, не скрывая сарказма:

— Считаете, что я не заметила?

— Когда она работает с данными, ее лучше не злить, — пояснил Виктор.

Двинула по второй стопе. Не за пояснения, а чтобы не мешал думать.

Брать информацию с дисплея было неудобно. Поднялась, не отрывая взгляда от мелькающих столбцов, согнала Шаевского, села на его место, активировав внешние экраны. Перетасовала модули в «своем» порядке.

— Мне нужны имена, названные вашим говоруном.

Не услышав ответа, изогнулась, посмотрела на задумчиво молчащего Куиши.

Вопрос отпал сам собой, но я решила уточнить:

— Химия или ментально?

— Химия, — подтвердил он мои предположения о блокировке. — Умер еще на первом допросе, потом вместо него держали куклу.

Кивнула:

— Хороший ход. Но что-то ведь сказал, прежде чем...

Шаевский посмотрел на меня осуждающе. Я заметила, но высказываться не стала. Уж больно интересную задачку мне подкинул Куиши.

— Сказал, — подтвердил тот. — До сих пор гадаем, что могло бы значить «эфайф»?

— Может, сэвайв? — уточнила я и только потом сообразила, какую именно ассоциацию провела. — Сволочь!

— Это ты сейчас про кого? — невинно поинтересовался Виктор.

Брошенный на него взгляд был красноречив — ему лучше помолчать.

Но на вопрос ответила:

— Слава!

— А он тут при чем? — не принял моего совета Шаевский.

Пусть радуется, что мне было лень продолжать разговор в этом тоне.

— Что вы имели в виду? — выдержав паузу, спросил Куиши, когда я, в попытке привести в порядок взбудораженные мысли, откинулась на спинку кресла.

Розыскник к моим проблемам вроде как не имел никакого отношения, так что я удовлетворила его любопытство. Не сказать, что вежливо, но стараясь сохранять спокойствие.

— «Ханри Сэвайвил».

Куиши задумался, потом посмотрел... на Виктора.

— Его люди следили за вами. Взяли еще в космопорту.

Шаевский нехорошо усмехнулся:

— Я все-таки надеялся, что ваши.

— Наши тоже следили, — улыбнулся Куиши. Эмоции добавили его некрасивому лицу привлекательности, словно сгладив острые нос и скулы, смягчив пронзительный взгляд черных глаз. — Когда нам предложили вашу пару, постарался узнать о вас все, что было возможно.

— И невозможно тоже, — буркнула я, догадываясь, к чему он клонит.

— Нам предстояло вместе работать, — подтверждая мои догадки, произнес Иари вслух то, о чем я только подумала. — О ваших эмпатических способностях мне известно.

Оставалось надеяться, что обо всем остальном узнать ему не удалось.

Мысль о Валанде появилась совершенно некстати. Если я не ошибалась, нас ждала серьезная операция. Она же отдавала так ненужной сейчас обреченностью.

— Наша задача? — Я резко поднялась, вырываясь из плена воспоминаний. Внешние экраны планшета погасли, реагируя на переданную через полевой интерфейс команду.

Мой тон Куиши не смутил. О том, кто старший в нашей двойке, ему, похоже, сообщили.

— Господин Шаивский, — Иари встал следом за мной, — до прибытия группы Союза участвует в расследовании инцидента с убийством вашей подданной. Его маршальские полномочия подтверждены, необходимые сведения, — он бросил взгляд на табло времени, — уже внесены в идентификатор. Вы же... — в его взгляде, обращенном на меня, не было уверенности в правильности этого решения, — продолжаете вроде как отдыхать. Так что, одного уже сегодня в девять я жду у себя в кабинете, а второго... — Продолжил он уже у самой двери: — Надеюсь, вам удастся найти то, что мы пропустили.

— Уже наша, — тихо прошептала я, заставив его замереть.

Делиться своими предположениями я не собиралась, уж больно неоднозначными они выглядели. Значительно более неоднозначными, чем их выводы о сотрудниках разных служб, вовлеченных в процесс исчезновения людей.

Мое молчание Куиши понял правильно.

— Что вам необходимо, чтобы убедиться?

Такая постановка вопроса мне нравилась больше. Она давала гарантии, что не придется выбивать нужные сведения.

— Сутки тишины и покоя!

Фырканые Шаевского я проигнорировала.

— Они у вас есть! — отозвался Иари, закрывая за собой дверь.

А я почему-то подумала, что наше с Виктором появление здесь... не к добру. Не для нас — для них.

Интересно, Куиши считал так же?

* * *

Отправив Шаевского спать — шел уже третий час ночи, сама перебралась с планшетом в спальню. Самое время попытаться раздобыть подтверждение той неожиданно объявившейся идее, которая, не успев родиться, начала бойко разворачиваться в довольно внятную версию происходящего здесь.

Даже без подробностей и ответа на главный вопрос: «Зачем?», она неплохо вписывалась в рамки сведений, которые у меня уже были. Оставалось лишь добраться до доказательств.

Ну, или хотя бы до намеков, где именно их искать.

Первым делом перераспределила данные.

Куиши вел свои цепочки от источников информации, которые использовались для отбора жертв, я — от них самих. Думаю, изначально он тоже отработывал стандартную схему, но, упершись в невозможность обнаружить очевидную связь между ними, начал искать другие.

Найти — нашел, иначе и быть не могло, но так и не сумел разгадать, чем же заинтересовали похитителей именно эти люди.

Его подвела мужская логика. Мало было уметь анализировать. Мало было даже уметь использовать оригинальные подходы к тому, что он анализировал. Нужно было смотреть иначе. То, что мне бросилось в глаза сразу, он пропустил. Может, и заметил, но оказался не готов выстроить на этом свои выводы.

Я же любую мысль, самую сумасшедшую, воспринимала как вполне вероятную. Этому учил не только шеф, но и жизнь. Еще неизвестно, кто лучше.

Закончив хвалить себя, передвинула один из экранов поближе.

Сначала мужчины... Именно благодаря им я и сделала свое открытие.

Генная карта, возраст, род занятий... Повторения были, куда же без них, когда цифры перевалили за полусотню, но чтобы система...

Открыла первый профиль.

Старх, сорок три года. Не женат. Торговец. Судя по голографии, со здоровьем все просто великолепно. Даже свободная одежда не скрывала рационально-рельефной фигуры.

Скупые строчки из информблока лиралде — минимум, который необходим для открытия допуска в сектор. И приписка ниже: ответ на запрос о расширенных данных — отрицательный.

Следующий... Опять старх, но моложе — тридцать один. Преподаватель в закрытой школе для мальчиков.

Еще... Люценианец, двадцать восемь. Химик. Специализация: соединения высоких порядков.

Я о подобном даже не слышала...

Еще... Демон. Никогда не видела демонов вживую и, похоже, многое потеряла.

Брутальный, заматеревший... опасный, и не только для женщин. Вроде, человек как человек, только крупнее, да плавных линий меньше, но не перепутаешь. Смуглая плотная кожа, и очень специфичный разрез глаз тут ни при чем.

Машины для войн... Так их как-то назвал Шторм. Вскользь, словно задумавшись, а я — запомнила.

Взгляд спустился ниже. Возраст — пятьдесят два. Отец большого семейства: три сына, две дочери... внуки. Вдовец.

И опять в конце та же самая запись: ответ на запрос — отрицательный.

Сделала себе пометку: уточнить, какие параметры включает статус «расширенный». Сомневаюсь, что речь в нем шла только о родителях и месте рождения.

Следующая группа... Пары. Что интересно, не только супружеские. Двое мужчин: друзья. Парень и девушка: брат с сестрой. Мужчина и девушка: отец и дочь.

Прежде чем заняться первой, прикрыла на мгновение глаза.

Найтие или ощущение внутренней взаимосвязи между ними и... нами?

Резко, чтобы не передумать, сбросила вызов. Приоритет поставила низший, на тот

случай, если вдруг отдыхает.

Он не отдыхал, вся пауза ушла на проверку безопасности соединения.

Кабинет был мне не знаком, в отличие от кресла. В душе Шторм был консервативен.

— Не ожидал!

Ответила спокойно, пусть и хотелось высказать все, что накипело. Сейчас важнее было другое, а помочь мог лишь он.

— Я — тоже. — Его взгляд был... нехорошим, но я продолжила, ничуть не стесняясь своей наглости. — Мне нужна информация.

Тот вроде как недовольно скривился. Или... прятал улыбку?

— Ваню?

Качнула головой, принимая правила игры.

Нам обоим нужна была прелюдия. Чтобы вспомнить и... забыть.

Нас трудно было назвать друзьями, с женщинами он не дружил, но «отшив» меня однажды, продолжал относиться ко мне... как к своей девушке.

Использовать меня в своих операциях Шторму это никогда не мешало.

— Ему не достать то, что мне нужно.

Полковник провел пальцами по усам, предложил другой вариант.

— А Ромттез?

Тянул время?

Если так, то, скорее всего, его ребята сейчас кодировали канал связи, по которому мы беседовали. Вполне обоснованная предосторожность. Ради ерунды я не стала бы закрывать глаза на Зерхан.

— Лучше, но не настолько хорош.

— А я, значит, — усмехнулся полковник, — хорош?

— А у тебя, значит, — повторила я с теми же интонациями, — соответствующая мотивация.

Метаморфоза была молниеносной. Не знала бы, чего ждать, испугалась.

— А теперь подробнее! — жестко потребовал он, в одно мгновение избавившись от остатков добродушия, которое мне демонстрировал.

— А давай каждый займется своим делом! — резко выдохнула я сквозь стиснутые зубы. С некоторых пор Шторм действовал на меня... отрезвляюще. Я тут же вспоминала и про маршальскую службу и про десять лет, которые ей отдала. — Мне называть имя?

Во взгляде Славы появилась тень изумления. Похоже, кроме меня, с ним никто так не разговаривал.

Вопреки ожиданиям, высказываний на эту тему не последовало, он только махнул кому-то невидимому рукой. То ли предлагая зайти позже, то ли... наоборот, приглашая.

— И о ком ты хочешь узнать?

Отступать было поздно. Не то чтобы я сомневалась — если не сможет Шторм, не сможет никто, — понимала, что если Слава сочтет мой вызов достаточной причиной, чтобы вцепиться в ситуацию мертвой хваткой, он это сделает.

Тот факт, что все это происходило в чужом секторе, его не остановит.

— Глава корпорации «Ханри Сэвайвил», Дайрис Ханри.

Реакция была неожиданной.

Шторм свел брови к переносице, о чем-то крепко задумавшись. Посмотрел на меня, с иронией — на того, кто незримо присутствовал при нашем разговоре.

Теперь я в этом уже не сомневалась. И даже предполагала, кто был этим третьим. Вряд ли Шторм позволил бы мне назвать имя, не будь этот человек... своим. Таких у Славы было немного. Мой шеф, да... генерал Орлов.

В том, что угадала, убедилась тут же.

— Контракт на поставку систем жизнеобеспечения для ударной армады Соболева.

Генерал в зоне видимости не появился, но голос подал:

— С «Живейти контрол»? Все-таки выплыли... Модернизации подлежит больше половины крейсеров.

— «Живейти контрол»? — переспросила я, пытаюсь вспомнить, встречалось ли мне когда-нибудь это название.

Увы, память оказалась бессильна. Не моя сфера интересов.

Шторм кивнул, побарабанил пальцами по столу. Не нервничал — думал.

— Одна из дочек «Ханри Сэвайвил». Сэви — разработчики. Лаборатории по всей галактике. Исследовательская база, идеи, опытные образцы, испытания. Производство у «Ханри Сэв Продэкс», ну а продажи...

— И все это принадлежит ему, — протянула я, пытаюсь переосмыслить то, что мне было уже известно о Ханри. В свете новой информации он представлял еще более масштабной фигурой. — Но мне это почти ничего не дает.

— Почти?! — с налетом возмущения переспросил Шторм. — Почти?! — повторил он, повернувшись ко все еще невидимому Орлову. — Мне это вообще ничего не дает!

— Будешь вести себя прилично, поделюсь добытыми сведениями, — усмехнулась я, ощущая, как просыпается затюканный проблемами последних четырех месяцев азарт.

— На сделку с тобой не пойду! — ворчливо протянул полковник и подмигнул Орлову. Тот еще при наших разговорах не присутствовал.

— И как тебя только в конторе держат?! — разочарованно выдала я и демонстративно бросила взгляд на его табло. У него близилась полночь, у меня... дело шло к утру. — И это тот самый знаменитый полковник Шторм...

— Я не ошибаюсь, — Орлов подошел к столу, за которым сидел Слава, улыбнулся мне — ответила кивком, — или тебя только что пытались развести?

— И именно о ней ты говорил: невинное дитя...

Генерал добродушно улыбнулся. Я знала, что у него есть дочь, но не была с ней знакома. Иногда об этом жалела, Шторм утверждал, что мы с ней похожи. Обе отличались безрассудством и поздним включением инстинкта самосохранения.

Орлов обошелся без комментария, просто поставил точку в разговоре:

— Все, что добудем — получишь, но...

Договорить я ему не дала. Шторм меня знал лучше, должен был понять, что ради одного только Ханри я бы его беспокоить не стала.

— У меня тут еще есть списочек...

Я видела темные круги у него под глазами, но жалеть не собиралась. В следующий раз Слава очень хорошо подумает, прежде чем меня подставлять...

Прежде чем уйти, Виктор заглянул в комнату. Я сделала вид, что сплю.

Это было почти правдой, усталость все-таки взяла свое даже несмотря на некоторое воодушевление, как обычно проснувшееся после встречи со Штурмом.

Умел он... показать дистанцию между собой и собеседником. И ведь вроде как последнее слово осталось за мной... если не заметить удовлетворения во взгляде, брошенном на Орлова. Кажется, Слава получил то, что хотел.

Обиды не было, только желание отыграться. Но пока это относилось к области нереального, что не отменяло сидящего глубоко внутри азарта, требовавшего сделать невозможное, но добиться своего.

Вот под эти мысли я все-таки и выпала из реальности.

Проснулась от тонкого, но нудного звука. Какое-то время пыталась его игнорировать, но он повторялся и повторялся... Пришлось открыть глаза.

Вызов от Шаевского! И ведь вряд ли что-то серьезное, скорее, просто намек, что не ему одному надо поработать.

Ответила, используя полевой интерфейс, тянуться к лежавшему на тумбочке комму было лень.

— Соскучился? — недовольно поинтересовалась, когда в поле зрения слева появилась его физиономия.

В отличие от меня, Виктор выглядел бодрым и довольным.

— Хотел узнать, не почудился ли мне ночью голос полковника?

Я ожидала увидеть напарника в кабинете, но вокруг было что-то похожее на парк. Это несколько заинтересовало, но не настолько, чтобы спрашивать. Захочет, сам расскажет.

— И ради этого ты меня разбудил? — теперь уже возмущенно прорычала я.

Вместо того чтобы раскаяться, Шаевский уточнил:

— Ты на часы смотрела?

Пришлось посмотреть.

Смутить ему меня не удалось. Шесть часов сна было не так уж и много.

Говорить об этом не стала, напарник и сам понимал. Просто держался, пока мог.

— Не почудился. Но обошлось без приветов.

Виктор еще продолжал улыбаться, вот только в глазах уже жило напряжение, полностью опровергая мои предположения о том, что он продолжает работать на Штурма.

Удивительно, но особой радости от этого вывода я не испытала. Наверное, подспудно чувствовала, что там, где Слава, — все будет в порядке.

— Поможет?

Скрывать от Шаевского своих ощущений я не стала:

— У меня создалось впечатление, что это я ему чем-то помогла. — Губы Виктора скривились в понимающей усмешке. Он на собственной шкуре знал, о чем я говорила. — Но сведениями обещал поделиться. — Сделав паузу, добавила: — Правда, не он, а Орлов.

Высказаться Виктору на тему, что яблоко от яблони, я не дала, остановила жестом — сработал информер. На экране — они были установлены во всех комнатах номера, появился юноша в форме посыльного отеля и, за его спиной, часть корзины с цветами.

— У меня гости, — поднялась я с кровати, радуясь своей предусмотрительности. А ведь

собиралась вместо весьма скромной пижамы облачиться в батистовую ночную рубашку. Но сейчас меня беспокоило не только это: где мы остановились, я никому не сообщала. — Пойду приму.

— Оружие... — Шаевский, как и я, ситуацию невинной не считал.

Пока шла в гостиную, накинула халат и закрепила на запястье комм, заряженный микроампулами, активировала нейродатчики. Демонстрировать парализатор, пусть и зарегистрированный по всем правилам, я не собиралась.

— Впустить! — Команду дала, остановившись в центре комнаты.

Лучше быть живым трусом, чем храбрым, но мертвым. Так говорил Ровер, я была с ним согласна.

— Госпожа Кирайя? — уточнил молодой человек, когда дверь открылась.

— Да! Чем могу...

Пауза была короткой.

— На ваше имя доставлены цветы из магазина Сэро-ин и конверт. Служба безопасности подарок проверила.

— Служба безопасности? — разыграла я удивление. О весьма строгих правилах в гостиницах Приама мне рассказывала еще Валенси.

— Мы заботимся о своих клиентах, — важно ответил юноша и уточнил: — Я могу внести корзину в номер?

Кивнула на стол, сама отошла к стене. Мало ли... Называлось это перестраховкой, но та относилась к принципам, вбитым в меня шефом. Я уже со счета сбилась, сколько раз он меня выручал.

На посыльного грешила зря. Ни одного лишнего движения, все очень четко и открыто. Поставил, положил, выслушал слова благодарности, заверил, что его услуги уже оплачены, развернулся и ушел.

Прежде чем насладиться ароматом или открыть конверт, вернулась в спальню за сканером. Виктор, который продолжал оставаться на связи, только хмыкнул.

Высказываться, что его самого дрессировали не хуже, чем меня, не стала. Если ему так легче...

Техника ничего подозрительного не выявила.

— И кто это у нас такой щедрый?

Проверяла я все так тщательно, что Шаевский не выдержал.

— Сейчас узнаем, — хмыкнула я и вскрыла конверт. Два пригласительных отложила, взглянув только мельком, а вот сложенный вчетверо лист чуть шершавой бумаги, украшенной вензелями, привлек мое внимание. — Читать или сам догадаешься?

— Читай! — потребовал Виктор, остановившись у парапета.

Пейзаж был незнакомым. Кусочек канала да густая растительность мало что давали. Столичный город планеты Приама насчитывал подобных не менее сотни.

Можно было, конечно, запустить и поиск, местонахождение Шаевского тот определил бы секунд за десять, но веских причин для контроля за напарником я не видела. Появится, поделится новостями, как и я своими.

— Читаю, — улыбнулась я и начала декламировать. С чувством, передавая экспрессию и эмоции писавшего: — Я виноват! — Посмотрела на Виктора, тот, склонившись, смотрел на воду и, кажется, даже не слушал. Пришлось добавить патетики: — Виноват, что был резок, что в угоду собственному мужскому самолюбию позволил себе грубость! — Виктор

выпрямился, закинул голову назад, делая вид, что любитесь раскинувшимся над головой небом. Почти убедил, что ему неинтересно! Вспомнила о проникновенности, заставив свой голос звучать с надрывом. — Я не прошу меня простить, всего лишь понять. В том мире, где я существую, нет таких женщин. Верных, знающих, что такое искренность чувств, и умеющих отстаивать свое право на них.

Это был уже явно перебор. Шаевский, кажется, мое мнение разделял, оторвавшись от созерцания окрестностей, задумчиво рассматривал меня.

— Тебе не кажется, что писала женщина? — усмехнулась криво. Ханри стоило сменить секретаря.

Молчание затягивалось, но я не торопилась его нарушить.

— Чего он хочет? — наконец уточнил он, придя к тем же выводам, что и я.

Другого и не ожидала, уже давно не сомневалась в умственных способностях Виктора.

Мне потребовалось несколько дней, чтобы до конца разобраться в его масках, увидеть его таким, каким теперь знала. Шаевский был профи, но в его душе все еще тлела неутоленная страсть к неизведанному.

Ему бы открывать новые миры, он же...

Это была лирика, нужная больше мне, чем ему. Шаевский не копался в себе, он просто жил, идя вперед и не сожалея о том, что оставил за спиной. Именно это и делало нас похожими, но... не одинаковыми.

Прежде чем ответить, достала кодовую карточку на вход, которая и служила именным пригласительным, пробежала взглядом по тексту.

— Через семь дней в главной лаборатории «Ханри Сэвайвил» на Маршее состоятся показательные испытания двух новых систем жизнеобеспечения. Мы в списке.

Виктор с ответом не задержался, чтобы не заставлял нервничать. Уже знал, что я не любила, когда чего-то не понимала.

— Лазовски сообщил, что через пять дней в сектор Приама прибудет наш крейсер с делегацией из Штаба Объединенного Флота. С ними к нам отправили следственную группу.

Кивнула — связь между одним и другим была очевидна и без ночного разговора.

Корпорация Ханри была не единственной в области разработки и производства средств спасения, но считалась самой надежной. Я успела залезть ночью в сеть и выяснить, что им принадлежало более шестидесяти процентов рынка галактики.

Если перевести это в количество кораблей, посадочных и аварийных модулей, станций, лабораторий, исследовательских и обучающих центров и многого другого, где было установлено их оборудование, то цифры получались фантастическими. Не менее нереальным казалось и количество рекламаций — две на сто тысяч единиц.

— Шторм упомянул, что Штабом заключен контракт с одной из дочек Сэвайвил на поставку их систем к нам.

Виктор усмехнулся. Без насмешки — грустно.

— Теперь понятно, о чем ты сказала. — Подумал, качнул головой. — Такие, как Ханри, не извиняются.

— Хочешь сказать, что он просто изменил тактику? — тут же поймала я его мысль.

— Хочу сказать, что ты его чем-то зацепила. И меня это очень тревожит.

Чтобы не произнести чего-нибудь лишнего, подошла к столу, наклонилась к корзине.

Взгляд тут же наткнулся на небольшой ларец, тонкими цепочками прикрепленный к четырем стеблям.

— А вот это уже он сам, — хмыкнула я язвительно и осторожно, чтобы не уронить, открыла подарок.

Если Ханри хотел меня удивить, ему это удалось.

Серьги, перстень, подвеска. Кристаллы кротоса, вставленные в изящную оправу, были крупными и идеальными, с точки зрения их ценности.

Но не это было главным!

— Быстро одевайся и уходи. — Отзвуком на мои собственные мысли рыкнул Виктор. — Я заберу тебя у... моего спарринг-партнера.

Он был прав. Одной из особенностей этого камня была способность поглощать широкий спектр электромагнитного излучения, что делало его прекрасной защитой от сканеров.

* * *

— Рано вы сегодня! — улыбнулся мне доброжелательно Сиши, когда я ввалилась в бар.

С того момента, как увидела подарок Ханри, прошло всего тридцать пять минут. Каждая из них для меня была полна напряжения и неизвестности.

Тратить время на то, чтобы умыться, я не стала. Только быстро переоделась, каждую секунду ожидая неприятностей, да прихватила с собой планшет и сумочку. В той было все самое необходимое для экстренных случаев.

Сигнал опасности в полевой интерфейс передал Шаевский, автоматически активировав все системы, включая те, которые находились у наших теней.

Я как раз выходила из номера, когда рядом со злобной мордочкой — Ваню по натуре был скрытым юмористом, — появилась фигурка вооруженного до зубов штурмовика-десантника в БАЗе, но с частично поднятым лицевым щитком и со сбитыми настройками. Зрелище еще то: на стандартном фоне разбросанное по картинке оружие и подвешенная между нами пара глаз, время от времени хлопающих ресницами.

В действительности экзоскелет этого типа обеспечивал полную изоляцию на всех диапазонах — будешь стоять рядом, не обнаружишь, да и самые мощные сканеры не брали, но наш информационный гений решил добавить веселья в наши тяжелые будни, предпочтя именно такой вариант.

Раньше вместе с облегчением — кто-то из своих находился рядом — подобная интерпретация силового прикрытия вызывала у меня улыбку. Теперь — давила воспоминаниями.

Валанд.

Мне оставалось только надеяться, что когда-нибудь это имя станет синонимом мимолетного счастья, которое мне подарила жизнь. Пока же оно продолжало оставаться тоской и болью.

Он жив, но из нас двоих лишь у меня сжимается сердце, когда память рождает иллюзии его присутствия.

— У тебя есть, где привести себя в порядок? — поинтересовалась я шепотом, вплотную подойдя к стойке. Говорить так не имело смысла, рядом никого не было, да и зал был практически пуст, но я хотела, чтобы получилось заговорщицки.

Если парня и удивила, то виду он не подал.

— Том! — крикнул официанту, который что-то читал, сидя за столиком у самого входа. Хоть он и был скрыт портьерой, когда вошла, я его заметила. — Присмотри. — И уже для меня добавил: — Конечно, есть.

Он вышел из-за стойки и направился к тому самому углу, откуда в мое прошлое появление здесь вышел Риашти.

— Проблемы с мужем? — спросил Сиши, с висевшего на поясе брелока открывая совершенно неразличимую на фоне стены дверь.

— Просто проблемы, — вздохнула я. — Виктор скоро придет.

— Это хорошо, — хмыкнул Сиши, идя первым по узкому коридору.

Панель, как только мы вошли, закрылась, словно отрезая путь назад. Ощущение неприятное, пусть и безосновательное. Шаевский не отправил бы меня сюда, будь, по его мнению, хоть намек на опасность.

А бармен между тем продолжал:

— Он хозяину понравился. Сказал, что неплохой мужик.

— Это он что, — удивилась я, — делится с тобою впечатлениями?

Тот даже остановился. Заметил, что я улыбаюсь, расцвел в ответ.

— Не, это он с Белью сегодня разговаривал. А я поблизости был.

— С Белью? — Вот теперь мое изумление было искренним. — Они так хорошо знакомы?

До Сиши, наконец, дошло, кому и о чем именно он рассказывает. Парень тут же ступешался, на щеках выступил румянец...

Совсем мальчишка!

— Не знаю я ничего! — Он пытался оставаться в рамках созданного им образа — чего-то вроде ангела-хранителя этого заведения, но допущенная им ошибка сбила с привычной роли. — Вам сюда.

Передо мной открылась еще одна незаметная дверь.

Но сейчас интереснее было уже другое: чем дальше мы отходили от зала бара, тем слабее становился сигнал интерфейса, словно его что-то мощно глушило.

Если вспомнить о плавающих каналах связи и прочих высокоинтеллектуальных штучках, которые обеспечивали уверенный прием в значительно более защищенных по своему назначению местах, то это наводило на весьма неоднозначные вопросы.

Решив, что сейчас мне и своих загадок хватает, сделала вид, что излишней резкости Сиши не заметила. Только заверила, что постараюсь очень быстро, и попросила подождать. Мол, дорогу обратно сама не найду.

Поверил или нет, гадать не стала. Мне действительно нужно было как можно скорее отсюда выбираться. Не хотелось представлять, какие мысли сейчас бродили в голове у Шаевского. Для него я была полностью заблокирована.

Как ни торопилась, но меньше, чем в десять минут, не уложилась. Но зато надела корсет, да в пару к комму закрепила на второй руке браслет с микроампулами.

Парализатор оставила в номере, теперь не жалела об этом. Кроме глушителей, здесь просто обязаны были быть и серьезные сканеры. Химию, что в зарядах, они взять не могли, те просто не входили в список запрещенных, а вот оружие точно бы обнаружили. Недоразумений с Риашти мне не хотелось.

Пока не хотелось.

Прежде чем выйти, оглянулась на зеркало и... замерла.

Так часто бывало: что-то происходит, но ты продолжаешь работать над загадкой, даже не осознавая этого. Связываются ниточки, наполняются цветом узоры.

Вот и сейчас, словно рябью по блестящей поверхности... Ханри... Взгляд жесткий, не признающий отказа и компромиссов... Системы жизнеобеспечения... Армада Соболева... Усталость на лице Шторма... Орлов в его кабинете...

Мало мне было Зерхана?!

Стиснув зубы и заставив себя улыбнуться, открыла дверь. Сиши стоял, прислонившись к стене напротив, и играл на мини-планшете. Точно мальчишка.

— Я долго?

Он посмотрел на меня удивленно, явно не замечая разницы между тем, что было и стало. Ну не объяснять же ему, что мне только и надо было — умыться и почистить зубы. А косметикой я практически не пользовалась, если только при необходимости произвести определенное впечатление...

Об этом было лучше не вспоминать.

— Нет! — Моя вопросительно приподнятая бровь его смутила. — Господин Шаивский уже подошел, ждет вас в зале.

— А господин Риашти? — проверяя мелькнувшую догадку, поинтересовалась я.

У Сиши моя заинтересованность подозрений не вызвала.

— А господин Риашти и был в баре. Он просто не успел подняться.

Не успел подняться... Хорошая оговорка, которая добавляла еще один кусочек к пониманию того, чем был этот бар.

Журналистское прикрытие! В данном случае смысл был совершенно иной, но сути это не меняло.

— Это хорошо! — не дала я ему задуматься о том, что он сказал. — Я вчера не успела поблагодарить его за билеты в Оперу.

Мой трюк удался, парень расплылся в улыбке.

Хотелось думать, что удался. В первую встречу столь невинным он мне не показался.

Когда мы вернулись в зал, Виктор и Виас стояли у стойки и разговаривали. Риашти ко мне спиной, Шаевский... Он не отводил взгляда от угла, откуда мы должны были появиться.

Интересно, какую историю он поведал хозяину бара?

Задаться этим вопросом я не успела, напарник, заметив, тут же оборвал фразу, кинулся ко мне. Я даже слегка опешила, не ожидая столь яркой демонстрации его беспокойства.

Только когда крепко прижал к себе, вспомнила, что именно Риашти предупредил нас, чтобы держались подальше от Ханри. Было вроде как несколько замятых скандалов с участием владельца мегакорпорации. Особых подробностей никаких, но дело касалось женщин. И речь как раз шла о насильственном удержании.

Рыдать и рвать волосы на себе не стала, Риашти точно бы не поверил, но позволила просто застыть в объятиях Виктора, чувствуя, как отступает напряжение. В свете моих догадок, похищением для собственного удовольствия дело могло не закончиться.

— Может, выпить? — Подошел к нам Риашти, выждав паузу.

Я вроде как оторвалась от Виктора, с робкой улыбкой посмотрела ему в глаза.

Он коснулся губами виска, бросил взгляд на комм.

— Нам еще надо найти, где устроиться. Оставлять ее одну в отеле я теперь не рискну. А знакомых, чтобы и не создать им проблем...

Риашти закончить ему не дал:

— Что значит — оставлять ее одну?

Кажется, я начала догадываться, что именно придумал Шаевский. Пожертвовав малым, получить многое.

Шикарный вариант!

Виктор на мгновение прикрыл глаза, качнул головой, словно спорил сам с собой, решаясь на откровенность.

— Мне придется представиться вновь, — медленно начал он, так и не отпустив меня. — Маршал маршалской Службы Союза. Имя осталось прежним, так что повторять не буду.

Вместо того чтобы смотреть на Шаевского, Риашти не сводил взгляда с меня:

— Надеюсь, хотя бы вы — журналистка.

Сжала ладонь... мужа.

— Журналистка! — Тяжело вздохнула. — И вроде как прилетела провести здесь отпуск.

— Это связано с той парой? — теперь уже обращаясь к Виктору, спросил Виас.

Шаевский вновь качнул головой, но теперь уже говоря: без комментариев.

Риашти такой ответ принял. Задумался, потом, попросив нас подождать его пару минут, вышел из зала. Когда вернулся, на лице было заметно удовлетворение.

— Кажется, я нашел вам надежное место. — Наводящие вопросы задавать не заставил, пауза была короткой. — Госпожа Горевски будет рада принять вас. Белью появится минут через сорок, с ним и заберете свои вещи из отеля.

Хотелось немедленно расцеловать Шаевского, провернувшего без подготовки такую комбинацию, но я не стала торопиться: все еще только начиналось.

Чтобы ответить на все вопросы, которые у меня скопились, мало было того, что он одним махом избавил нас от малейших подозрений Риашти, добавил сложностей Ханри — я и не рассчитывала, что он откажется от своих поползновений в мою сторону, — и дал возможность обоснованного контакта с Горевски.

* * *

Полковник на той стороне экрана выстукивал по столу пальцами что-то смутно напоминающее марш академии в Рунцово.

Валанду был знаком его мотив, хоть он и проходил подготовку высшего офицерского состава в Талиссии. Были у них совместные мероприятия. Конкуренцию в спецслужбы вбивали еще на этапе обучения.

— Вы недовольны тем, что именно я буду отвечать за операцию.

Сухая констатация факта, без малейшего намека на вопрос. К чему спрашивать, если Марк был уверен в том, о чем говорил.

Полковник владел собой практически безукоризненно, другой бы и не заметил, но Валанд отчетливо видел на его лице следы сомнений.

Объяснение такой проницательности было простым. Наставник, проводивший реабилитацию, пояснил, что, взломав защиту жреца высшего посвящения, Марк и сам встал на его уровень.

Валанд никогда раньше не задумывался о подобных перспективах — даже когда при тестировании у него обнаружили потенциально высокие ментальные способности, воспринял, как что-то далекое от себя, но теперь, столкнувшись в действительности,

отказываться от вероятного будущего не собирался.

Ради чего пошел в армию, он помнил. В отличие от тех шести дней, выправленных из его жизни чужой силой.

Вот ведь парадокс... С одной стороны... С другой стороны...

И вопрос, на который он так и не смог получить ответ: «Оно того стоило?!»

— За часть операции, — поправил его Шторм (выглядело занудством) и продолжил все так же холодно: — Да, я недоволен тем, что именно вы будете за нее отвечать. — Не дожидаясь вопроса офицера, продолжил: — То, что ваш командир считает аргументом «за», я воспринимаю как «против».

Валанд до конца ситуации не понимал. Начиная с приказа: «Обеспечить силовое прикрытие операции» и заканчивая подробностями, за которыми его отправили к полковнику Шторму.

За время его службы такое происходило едва ли не впервые. Контрразведка на них работала, но чтобы спецгруппа особого отдела, да на контрразведку...

И не то чтобы уровнем задач не вышли, но как-то не было принято использовать натасканных на внешнего врага псов на внутренние цели.

— Господин полковник говорит о группе, с которой мне довелось работать на Зерхане? — невозмутимо, но самой формулировкой окрашивая вопрос в язвительные тона, поинтересовался Валанд.

Недовольство Шторма его не задело. Получать разнос от своего начальства было вроде как и привычнее, но в эмоциях собеседника явно прослеживалось что-то личное, вызывающее скорее интерес, чем неприязнь.

— Господин полковник говорит именно об этом! — Шторм поднял на него взгляд. Жесткий, резкий.

Валанд с трудом удержал свое тело под контролем, не отшатнувшись от экрана.

Первый вывод, сделанный из их разговора, в свете новой информации воспринимался ошибочным. Это не он «видел» настроение Шторма, это тот позволил ему ощутить его.

Полковник ментатом точно не был, Валанд бы этого нюанса не пропустил, если только скрытым интуитивщиком. Оставалось одно объяснение — сила воли.

Знаменитые усы Шторма почти скрыли усмешку — тот догадался, о чем подумал в этот момент капитан третьего ранга Валанд, но только почти. Как раз, чтобы дать понять, кто в этом оркестре играет первую скрипку.

Марк подсказку принял, хоть и не выдал себя ни единым жестом. Опыт общения с контрразведкой обещал оказаться не только новым, но и весьма познавательным.

— Основную линию расследования ведет маршальская Служба. Командует группой Элизабет Мирайя, ее напарник — Виктор Шаевский.

Валанд заметил короткую паузу, сделанную полковником как раз для него, но не спешил воспользоваться.

Отчет по операции на Зерхане он изучил вдоль и поперек, оба имени были ему более чем известны. Как и то, что бывший сотрудник полковника Воронова предпочел покинуть службу безопасности и перебраться под крыло помощника директора Службы Маршалов Геннори Лазовски.

О том, что Ровер, как называли между собой Лазовски его подчиненные, фактически умыкнул Шаевского у самого Шторма, Марк сумел просчитать — мелочей, которых не успели вычислить, хватало. Вычислил и другое: в той истории было даже не двойное —

тройное дно, и сидевший напротив полковник имел к этому непосредственное отношение.

Так что вопрос: кто тогда на кого работал, для него продолжал оставаться открытым, хотя Марк и склонялся к версии о размене. Мы вам — то, вы нам — другое.

Побег Исхантеля в эту схему укладывался великолепно. Контрразведке нужен был прецедент с официальным обвинением, военной разведке — вернувшийся на Самаринию тайно жаждущий власти жрец. И те, и другие получили то, что хотели. Дипломатические миссии самарянин в Союзе теперь подлежали особому контролю, а его противник благополучно, пусть и незаконно, но оказался на родине.

Методика, по которой Валанд его «взламывал», разрабатывалась специально для такого случая. Ни сам Исхантель, ни те, кому предстояло его проверять, не должны были догадаться о лазейке в разум потомка свергнутого правящего рода.

— Официально розыском занимаются приамцы, но шейх высказался за то, чтобы основную нагрузку несли именно мы.

О способе убеждения шейха Тиашина, Валанд спрашивать не стал — предполагал, что там хватало места и для лести и для банального шантажа. И не важно, что правитель сектора, грешков хватало у всех.

Для Марка сейчас было важнее другое:

— Мы — это контрразведка или О-два?

Шторм вопрос Валанда не проигнорировал, хоть тот и был уверен, что... накажет за игру не по правилам.

— Из моих там работает Горевски. — Марк на быстрый взгляд полковника отреагировал — кивнул: не помню, но знаю. — Его задача: оперативное ведение операции.

— Я подчиняюсь ему?

Валанда интересовало не столько, кто будет главным, а степень собственной свободы в рамках порученного дела. Одно, когда каждый твой шаг контролируется — такой вариант ему совершенно не нравился, другое, действовать в рамках. Даже жесткие ограничения давали возможность для маневра.

А определенный простор ему был нужен, тем более, когда удача сама шла к нему в руки.

Шаевский, Горевски, Мирайя, Ромттез, Левицкий...

Почти два месяца для него за этими именами не существовало живых людей, лишь сухие строчки отчетов да записи. Но и этого оказывалось достаточно, чтобы понять: кроме весьма непростого взаимодействия нескольких спецслужб там было что-то еще, не вписывающееся в привычные правила и формы.

Прибрались в деле по Зерхану идеально. Вот это — слишком идеально, и стало крючком, на который он собрал всю цепочку. Допуск у Валанда был полным, да и рекомендации врачей надежно прикрывали его интерес.

Вспомнить, как бы ни хотел, он не мог — участок мозга был безвозвратно утерян, но узнать все или так и остаться в неведении, закрыв глаза на мелкие нестыковки, было в его силах.

Полет на боевых симуляторах, разрешение медиков на проведение массажа гостившей на крейсере журналистке, аварийная продувка шахты...

Что Мирайя играла совсем не ту роль, которую ей приписывали, он сообразил быстро, больше времени ушло на то, чтобы понять — какую. До конца же осознал только теперь, когда Шторм упомянул про основную линию расследования.

Схема операции на Зерхане была иной, но похожей. Элизабет — аналитик, остальные

лишь обеспечивали ее нужными данными и прикрывали.

Он — тоже?

Ответ на этот вопрос Валанд знал. О событиях тех дней забыл, но ниточку себе оставил, словно предполагал, чем все может закончиться.

Пришедший на домашний ящик привет от старого друга выглядел невинно. Как дела? Давно не писал? Еще не нашел свою, единственную, которой в юности писал стихи? И, как намек на то, о чем спрашивал, четверостишие.

Литературной ценности оно явно не представляло — кто не пытался сложить в рифму рвущиеся из груди слова, когда тебе семнадцать, — но для Валанда стало ключом к созданному им же хранилищу данных.

Прощальное письмо к Элизабет было там. И запись той их ночи...

Сам Валанд сделать ее не мог, не в его правилах было коллекционировать свои победы, скорее, не успел отключить мув-контроль, а потом убрал эту часть, оставив в системе пометку о личном контакте.

— Нет! — Шторм опять был недоволен, но тут уж причина лежала на поверхности и от Марка не ускользнула. Будь воля полковника, О-два не имело бы никакого отношения к его игре. Но... кто-то решил иначе, а у Шторма не хватило авторитета добиться своего. — На Горевски только постановка цели, все остальное — твоя работа.

— Силовое прикрытие... — не столько уточнил, сколько подумал вслух Валанд.

Судьба дала ему шанс понять, вновь ощутить то, что он чувствовал к этой женщине. Увидеть ее взгляд, коснуться кожи, вдохнуть аромат...

Он не помнил ее, но не забыло тело, отзываясь на мысли, тосковало сердце, когда он вновь и вновь смотрел, как сползает халат с ее плеч...

Ему предстояло ее прикрывать, сейчас это было важнее. Если она была ему дорога...

Закончить мысль ему не удалось.

Шторм поднялся, отошел от стола, за которым сидел, почти выйдя из зоны экрана.

— Зерхан с самого начала выглядел клоакой, не позволив недооценивать себя. То, что происходит на Приаме, обманчиво воспринимается местной проблемой.

— Обманчиво? — переспросил Валанд, ничуть не сомневаясь в том, что полковник, скорее всего, прав.

Если судить по слухам, которыми Марк не гнушался пользоваться, Шторм был из тех, кто редко ошибался даже по мелочам. Не верить ему сейчас у Валанда не было оснований.

— Я бы предпочел сказать это кому-то из своих, — полковник продолжал стоять там же, на самой границе изображения — сделай он шаг, и останется лишь голос, — но выбора у меня нет, поэтому говорю тебе: Приам только кажется безобидным. Войди они в состав Коалиции, проблем у нас было бы меньше, но... Тиашин предпочел полную свободу и вольных требованиям и договоренностям. Этого нельзя не учитывать. — Опять пауза, заставившая Валанда вновь задуматься о том, кому и для чего нужен был этот разговор. Уж больно напряженной она была. — Элизабет переболела тобой. Заставишь ее страдать, твоя уникальность тебя не спасет.

— Но... — попытался прервать полковника Валанд.

Зря старался. Недаром Шторма называли Штормом...

— Молчать! — гаркнул полковник так, что Валанд подскочил раньше, чем сообразил, что этого делать не стоило. Не для того тот орал, чтобы напомнить о разнице в звании, просто давал понять, что чужой тупости не терпит ни в каком ее проявлении. — Это ты

можешь свое начальство убеждать в своей невинности, а я твое хранилище держал на прицеле еще до того, как ты в него влез.

— Господин...

Вторая попытка была столь же неудачной.

— Я тебя предупредил — выводы делай сам. И еще... — он подошел ближе, тяжело оперся о крышку стола. — Через четыре дня Лазовски будет на Приаме. Думаю, ты понимаешь, что это значит.

Валанд понимал — уступать не собирался. По крайней мере, до тех пор, пока не разберется со всем до конца.

Куиши и Шаевский сидели на диване в противоположном углу комнаты и тихо, чтобы не мешать мне, обсуждали последние события.

Даже если бы говорили громче, все равно не сбили с мыслей. Их просто не было, что-то вертелось в голове, спотыкаясь о факты и не всегда лестные эпитеты. Относились они и к обещанным Куиши тишине и покою, и к Шторму.

Почему к нему? Привычка! После знакомства со Славой количество переданных мне дел, которые в итоге оказывались не столь уж примитивными, какими казались на первый взгляд, увеличилось в разы. Совпадением быть не могло. Не тогда, когда речь шла о полковнике, у которого с моим шефом были давние отношения.

О причине я догадывалась, и она даже мне слегка льстила. Но...

Вот это самое «но» мне все чаще и не давало покоя. Если уж Шторм начал плотно задействовать нашу службу, значит, в том мире, в котором крутился он, было не все столь радужно, как представлялось издаലെка.

Сейчас об этом думать не стоило, но... Опять то самое «но»...

Наша с Шаевским тревога оказалась небезосновательна. В подвеске находилась ампула с одурманивающим веществом. Механизм, приводящий ее в действие, был скрыт в серьгах. Они же служили маяком, активируясь при первом соприкосновении с кожей объекта.

Объектом была я, мои биопараметры Ханри успел взять в Опере.

Предусмотрительная тварь!

Все эти подробности выяснили в лаборатории лиралде, куда со всеми предосторожностями перевезли украшения. Там могло быть и что-нибудь менее безобидное.

— Возвращать их нельзя! — не оборачиваясь, жестко произнесла я, буквально вырывая себя из состояния внутренней опустошенности.

Не сказать, что Иари и Виктор настаивали на обратном, но судя по тому, что уже не в первый раз возвращались к одному и тому же, склонялись именно к этому варианту.

— Госпожа Элизабет... — довольно холодно начал Куиши, поднимаясь.

Не думал, что я их слышу.

Легкий шорох, мой напарник пытался его остановить, зная, что со мной лучше не спорить, когда я приняла решение, но безуспешно.

— Это не в ваших правилах, господин Куиши, — закончила я за него.

Принимали мы старшего розысника уже в гостевых комнатах дома, который снимала на время гастролей Люсия Горевски. С ней самой еще не виделась, прима была на репетиции, а Валесантери, представившись Куиши как Алекс Белью — друг хозяйки, предпочел уйти. Наше близкое знакомство с ним мы предпочли не афишировать.

Иари только и успел сделать пару шагов, когда моя реплика его остановила. Теперь стоял и смотрел на меня. Я видела это на экране полевого интерфейса.

— Господин Куиши, — мне все-таки пришлось развернуться, некоторые слова стоило произносить, глядя в глаза, — давайте договоримся: я — оперативный сотрудник. Понимаю, что для вас это несколько странно, но женщиной я стану только после того, как напишу отчет по завершеному заданию. — Посчитав, что этого достаточно, обратилась уже к Шаевскому: — Нужен антидот.

Тот, улыбнувшись, кивнул.

Уже подумал об этом...

Розыскник аргумент не принял, хотел возразить, но писк моего комма заставил его удержаться от продолжения не нужного сейчас спора.

— Информация, которую я просила, — просмотрев запись о пришедшем сообщении, бросила я, подходя к столу, на котором оставила планшет.

Виктор, вопреки ожиданиям, даже не двинулся с места. Оказался прав, первые строчки были личными: Штурм... извинялся. За что, не признавался, лишь упомянул, что скоро сама узнаю.

Сделав заметку в памяти — о таких предостережениях забывать не стоило, вывела на внешний экран данные по Дайрису Ханри, оставив дополнительные сведения по списку потеряшек на потом.

Пробежалась взглядом по двум столбцам, машинально пересчитала количество отметок красным: «не подтверждено», в правом. Если судить по ним, вся его жизнь была сплошной тайной.

— Итак, что мы имеем... — посмотрела на Куиши, который продолжал наблюдать за мной, так и не сдвинувшись с места. — Дайрис Ханри. Пятьдесят два года. Место рождения. Официально — планета Шийши, сектор Люцения. Предположительно — планета Гордон.

— Он не люценианец.

В ответ на реплику Куиши усмехнулась:

— Я — заметила. — Продолжила, подумав, что мои прогнозы сбываются. Конфликт с розыскником был неизбежен. Все, что я могла, спровоцировать его и закончить все максимально быстро и безболезненно. — О матери ничего неизвестно, донор. Отец — Хэн Ханри, свободный геолог-разведчик.

— Как первоначальный капитал младший Ханри указывает месторождение кротоса, найденное его отцом.

Согласилась с Иари:

— Тут тоже так сказано. А еще есть отметка аналитика: перекрестный анализ дает возможность предположить, что речь идет об исчезнувшем транспорте «Ир ми каер», пропавшем как раз в то время. Груз: большая партия необработанного кротоса.

— До сих пор по этому пункту ни у кого сомнений не было, — вскользь заметил Шаевский.

Я кивнула, перешла по ссылке, которую оставил для нас штормовский спец.

— Да, есть сведения о проверке месторождения. Лицензионный сбор... сорок процентов от оценочной стоимости.

— Высокорисковый. Обычно берут от двадцати пяти до тридцати...

Это был уже Куиши.

На этот раз кивать я не стала, вроде как еще не свой.

— Спустя пять лет еще одна проверка и снижение сбора до тех самых тридцати процентов, которые стали долей лицензионной палаты Люцении в созданной отцом нашего Дайриса «Ханри кротос империял». За ней и закреплен контроль над добычей.

— Стандартная схема, ничего удивительного...

Я посмотрела на Виктора, скептически улыбнулась.

— Вот и другие так думали.

— Вы хотели сказать... — начал Куиши, пришлось его перебить.

— Ты, Иари, ты! — резко оборвала я.

Момент истины!

Я ожидала возражений, но он только чуть дернул губой.

Или быстро учился, или... знал, чего от меня ждать. Второе было хуже. Хоть мы и в команде, но явление это временное. Сегодня — друзья, завтра — враги.

— Ты хотела сказать, что до сих пор никто не видел смысла искать связь между корпорациями Ханри и вольными?

Отвечать на его вопрос я не стала, сам не маленький, сообразит, что это и есть ответ.

— Отец. Хэн Ханри. Погиб двадцать четыре года тому назад. Официальная версия — авария на месте добычи. Не сработала спасательная капсула.

— И тогда безутешный сын решил пустить кредиты безвременно ушедшего папеньки на разработку и производство тех самых систем жизнеобеспечения, которые подвели в самый нужный момент.

Подмигнула Шаевскому:

— Не знала, что ты такая... язва.

Тот усмехнулся, поднялся с дивана, потянулся, смущая меня четким контуром мышц под натянувшейся футболкой. Хоть и эстетическое наслаждение, без всяких плотоядных мыслей, но... не при посторонних же.

— Я и сам не знал, — подошел он ко мне вплотную, пристроился сбоку. — Так, это не интересно...

— Стоп! — оттолкнула я его руку до того, как он успел сдвинуть голосником темноволосой женщины. — Твою мать! — не сдержалась я.

Пусть радуются, что ограничилась только этим, Шторма я в этот момент обложила значительно круче.

Теперь было понятно, за что он извинялся.

Не обращая внимания на некоторую растерянность Куиши — тот явно раньше не слышал подобного от женщины, оттолкнула Виктора. Активировав дополнительные экраны, опустилась в кресло, которое подтащил Шаевский. Вряд ли он до конца осознал смысл моей догадки, но точно не сомневался в том, что я взяла след.

Он был прав. Среди похищенных было несколько пар, которые отказывались укладываться в нарисованную мною схему. Теперь, когда я увидела голографию убитой здесь, на Приаме, жены Ханри, я поняла, к чему мне их отнести.

Сдвинув на левый экран ее и снимки тех девяти женщин, спутники которых не соответствовали моим требованиям, добавила туда и свою. Остальной список убрала на центральный, добавив к таблице еще один столбец. Туда должны будут попасть данные, которые удалось добыть ребятам полковника.

Понятно, что не по всем — за такое время они бы просто не успели, но даже найденного было вполне достаточно для первоначальной обработки.

Прежде чем озвучить свои выводы, обернулась к Куиши. Лицо того было закаменевшим, кое о чем я могла уже не говорить.

— У меня есть сведения, что с именем Ханри связано несколько скандалов. Насильственное удержание.

Тот слегка оттаял, но не так, как мне бы хотелось. В его взгляде появилось напряжение.

— Я могу узнать...

Объяснять, что свои источники информации я сдавать не собираюсь, в очередной раз его прервала:

— Мне нужны данные по этим женщинам.

На этот раз спорить он не стал, просто набрал что-то на комме.

Пока он отвлекся, я синхронизировала оба списка, свой и Шторма, разбила его на две части. В одну ушли те записи, где нужное мне поле было заполнено, во вторую — к сожалению, большую, остальные.

— Через час они у тебя будут.

Я отметила это уверенное «ты», кивнула в сторону экрана.

— Вот они ответы на ваши вопросы. — Посмотрела на несколько обескураженного Куиши (Шаевский удивленным не выглядел), добавила: — Осталось найти последний. Зачем они ему нужны?

Говорить о том, что мне известен человек, который разгадал и эту загадку, я не стала. Виктор и так сообразит, а Иари будет спать спокойнее, не догадываясь, кто скоро использует его Приам для своих взрослых игр.

* * *

— Узнаю крошку Элизабет! — расхохотался Валесантери, как только за Куиши закрылась огромная стеклянная дверь дома. — Стоило ей появиться на Приаме, как размеренная и добропорядочная жизнь шейхана-та растаяла без следа.

Я бросила взгляд на стоявшего у лестницы Виктора, прищурилась, пытаюсь предугадать его возможную реакцию. Понадеявшись, что он поймет меня правильно, в два шага оказалась рядом с Горевски и... залепила ему звонкую пощечину.

Валесантери потер тут же заалевшую щеку ладонью, шмыгнув носом, уточнил:

— Это за меня и за Шторма, или мы будем получать по отдельности?

Его взгляд был таким... невинным, что мне только и оставалось, как вздохнуть и развести руками.

— Только тебе и только за то, что исчез не попрощавшись! — буркнула чуть слышно и отошла в сторону. Чтобы не повторить.

Валесантери суть моего маневра разгадал. Переглянулся с Шаевским — тот тоже оказался догадливым.

Смеялись все трое. Почему бы не расслабиться, пока была такая возможность.

Веселье оборвал Горевски. Резко, без видимого перехода.

Мы с Виктором тест прошли, отреагировали еще до того, как его лицо стало серьезным.

— Пока мама не вернулась, нам стоит...

Стиснула зубы, выругалась про себя.

У меня не было оснований для выводов, но до этого момента я была уверена, что Люсия в курсе того, чем занимается на Приаме ее сын.

Валесантери с оценкой моей реакции не ошибся.

— Догадываться и знать — разные вещи.

— Хорошо, — не стала спорить я. Не возвращаться же обратно в отель, подставляя себя и Куиши по полной. Да и Горевски должен был думать, прежде чем соглашаться приютить нас здесь, — все проблемы в одну кучу сваливать не будем.

Согласились со мной молча.

Разговор возобновился, когда мы поднялись на второй этаж, где находились наши с

Виктором комнаты. Расположились в моей. В гостиной, предоставленной Шаевскому, сгрузили наши вещи, которые был вынужден собирать Куиши. Мы их пока не раскладывали, хотели проверить розыскника. У него была великолепная возможность подсунуть нам что-нибудь миниатюрное и мощное. Оставался вопрос: воспользовался он ею или нет.

— Ваш разговор я слышал, можете не повторяться, — как только мы вошли, предупредил Валесантери.

Я демонстрировать гнев не стала, была способна предположить, что уж в своем доме Горевски будет знать все, что ему необходимо.

С его талантами, да такой учитель...

Ну, Слава! Сколько раз я мечтала, что встретится на пути Шторма... стерва, которая сумеет обуздать его вольнолюбивый характер, но каждый раз обрывала себя. На этот раз поступила так же.

Какие бы чувства я к нему не испытывала, он был достоин толики счастья. За все, что делал и еще сделает.

Странно, но стоило вспомнить о Шторме, как тут же вернулись мысли и о Ровере, которые лишь изредка покидали меня с той памятной перепалки с Шаевским. Как Слава тогда сказал... Я девушек у друзей не отбиваю.

Разбираться сейчас в собственных чувствах было несколько несвоевременно, но все труднее становилось избавиться от ощущения, что сама идея о том, что Лазовски может испытывать ко мне больше, чем симпатию, казалась какой-то щемяще-трогательной.

— Раз слышал, — взялась я за планшет, вновь загружая нужные мне файлы и выбрасывая из головы все, что не имело отношения к делу, — значит, начнем с самого главного.

— С вопроса, зачем ему нужны бывшие вояки?

Криво улыбнувшись Шаевскому, заметила:

— На этот вопрос пусть отвечают другие. Наша задача...

— А ведь я тебе еще не рассказал про Лазовски, — перебил меня Валесантери. Посмотрев на Виктора, отошел к окну, облокотился на широкий подоконник. — Или он меня опередил?

Кто — «он», я уточнять не стала. Речь могла идти только о моем напарнике.

Шаевский тем, что узнал о нашем общем шефе во время операции на Зерхане, поделился. Вот только говорить об этом с Горевски мне не хотелось. Хватало того, что я сообразила, на какие именно аналогии он намекнул. Глава мегакорпорации не владел ментальными техниками, но это не делало его менее опасным.

— Это имеет какое-то отношение к нашим проблемам? — холодно поинтересовалась я, сделав вид, что ничего не поняла, и вывела на экран голографический снимок жены Ханри.

Все остальные женщины, которых я выделила в отдельную группу, имели с ней лишь отдаленное сходство. Я же... нет, копией не была, но если в сумраке бара, то можно и спутать.

— Ты же психопрофиль Ханри еще не смотрела? — развернулся Горевски у окна.

Виктор вопросительно приподнял бровь, уточняя, о чем это говорил Валесантери.

Опять вздохнула. Должна была догадаться, что информацию получу не только я, но и... еще один штормовский выкормыш.

Прожамлила. То ли оправдываясь, то ли... смущаясь.

Только этого мне не хватало!

— Не хотела светить его перед Куиши.

— Мальщ, — Горевски подошел ко мне, опустил на колени, улыбаясь, посмотрел мне в глаза, — ты когда повзрослеешь?

Он был прав! Но не в этот раз.

Ответила ему ухмылкой.

— У меня нет уверенности, что служба розыска Приама не связана с Ханри. Не сам Куиши, этот похож на ищейку, а не на гиену, но в его окружении точно есть продажная тварь.

Поднимался Валесантери медленно и уже не улыбаясь. А на Шаевского без слез вообще взглянуть было больно.

Не хотела, но, заметив единодушную растерянность, попросила:

— Ребята, может, вспомним, что я десять лет обходилась без нянек!

Ответа не дождалась, а вот понимание, что если немедленно не выдам все, что они так жаждали узнать, меня просто растерзают, становилось все явственнее.

Выдохнув, встала с кресла, обойдя вокруг замершего Горевски, прошла из угла в угол.

Это не был мой прокол, но... я обязана была доложить Лазовски сразу, как только все произошло. Я не доложила.

Мое решение.

— Меня опознали.

— Что тебя? — прорычал Горевски.

Виктор, к которому я обернулась, ища поддержки, лишь чуть дернул губой — все в порядке.

— Меня опознали как журналистку Мирайя.

Валесантери выглядел еще взбешенным — играть роль грозного Шторма я тоже умела, но накал эмоций был уже не столь ярким.

— В баре Риашги?

Я подтвердить очевидное не стала, другого места просто быть не могло.

— Мне передали записку, пообещали горячий материал, намекнув, что ее хозяину уже все равно, кто им займется.

— Где она?

— Уничтожила, — вместо меня ответил Виктор. — За нами следили, мы ожидали провокации в любой момент.

Горевски молчал недолго, приняв объяснение.

— На мне — оперативное ведение. Через четыре дня здесь будет Лазовски, работать будет в открытую.

— Искать тебя? — не сдержалась я от сарказма.

Следствие было не нашей прерогативой. Для того чтобы сам руководитель отдела оперативного поиска покинул офис, нужна была веская причина. Находившийся в розыске Валесантери Горевски как раз попадал под эту категорию.

Мой вопрос тот проигнорировал, продолжая традицию этой беседы. Она больше походила не на диалог, а на мешанину из реплик.

По-другому не выходило.

— В это же время сюда прибудет... группа силовой поддержки. Действуют они самостоятельно, но по нашим данным.

Размах будущей операции настораживал, но я постаралась не подать виду. Вроде как не заметила и короткой заминки, перед тем как Валесантери упомянул про группу поддержки.

— Значит, на все про все у нас осталось шесть дней. Этот можно уже вычеркивать.

Говорила я, ни к кому не обращаясь, но стойку сделали оба.

— Что там было? Дословно!

Объяснять Горевски, что оперативное ведение не означает тотального контроля, я не стала. Пока это не принципиально, жестко расставлять акценты не стоило.

— Дословно? — хмыкнула, вспоминая тот момент, когда Айси кинулся на колени передо мной.

Шаевский действительно появился вовремя. Пока отвлекал внимание своей ревностью, я успела не только прочесть записку, но и спрятать ее. Уничтожила уже позже, когда выходила из бара.

— Узнал. Есть горячий материал. Не мой, но хозяину уже все равно. Нашим не поднять, Хиен не даст. Если интересно, через два дня здесь же. — Сделала паузу, перевести дыхание. Ну и насладиться выражением их лиц. На этот раз оба выглядели недовольными. Что делать? Мое журналистское прикрытие срабатывало уже далеко не в первый раз. — Еще была приписка, — добавила я, посчитав, что их мучения хоть как-то компенсировали мою нервотрепку. — Тобой интересуются. Нехорошо.

— Это все? — со знакомыми мне интонациями поинтересовался Горевски.

И что же, они так все хотели быть на него похожими?!

— Нет! — качнула я головой. — Остальное тебе понравится еще меньше.

— Куда уж! — вздохнул Виктор, наливая в стакан воды из стоявшего на столе кувшина.

— Ну, — подбодрила я его насмешливой улыбкой, — нас с тобой это практически не касается. Так что...

— Лиз! — тяжело вздохнув, протянул Валесантери, став похожим на того Горевски, с которым я встречалась в ресторане на Зерхане. — Мне начинать тебя умолять?

Я задумчиво посмотрела в потолок. Потолок предпочел хранить молчание.

Убрав улыбку с лица, произнесла жестко:

— Риашти не доверяй. У него прошлое.

Что это значило, объяснять им не пришлось. Прошлым среди журналистов называли принадлежность к спецслужбам.

* * *

Столица главной планеты Приама выглядела самым обычным городом. Ни намек на местный колорит, ни витающей над ним тени давно ушедшего прошлого, ни чего-то, позволявшего узнавать ее сразу, как только увидишь. Если только небоскребы пониже, да разбросаны островками, определяя центры районов, на которые был поделен Ризас. Ну и название не совпадало с именем планеты, что в Галактике встречалось довольно часто.

Основных же отличий было два. Практически полное отсутствие воздушного транспорта — лично для меня это было скорее минусом, чем плюсом. Мечта юности ушла, разрушенная травмой позвоночника, а страсть к полетам осталась. Ну и несколько дворцовых комплексов, один краше другого, которые принадлежали самому шейху и его старшим сыновьям, достигшим возраста зрелости.

Валенси говорила, что вот на них стоит посмотреть. У меня пока что не получилось.

Я вышла из подземки в той части города, которую называли деловым центром. Самые

высотные здания находились именно здесь. Офисы крупнейших компаний, банки, информагентства.

На полевом интерфейсе один за другим появились два зеленых рыцаря в доспехах — это было уже чудачество Горевски. Тени были где-то рядом.

Только и успела подумать, что Шаевский — перестраховщик, я вполне могла справиться и сама, как он тут же подтвердил мои выводы.

— Не лезла бы ты в эту петлю одна.

В кабинете Куиши, из которого Виктор говорил со мной, он был один.

Усмехнулась:

— Считаешь, что вдвоем мы бы в ней смотрелись лучше?

Моего настроения напарник не принял:

— Лиз, он — бездушная тварь. Ты для него...

— Виктор, — пришлось перебить. Мы это уже обсуждали, когда на комм пришло сообщение о блокировке моей кредитной карты, — не зли меня. Мне хватает и Ханри.

Чья это работа, было понятно и без глубокого анализа. Зачем? Этот вопрос тоже не возник ни у одного из нас. Он жаждал меня видеть, наш переезд к госпоже Горевски не позволял ему добиться своего более привычным способом.

Стоило признать, вся эта чехарда была совершенно некстати. И без его притязаний на мою персону проблем хватало. Наш вчерашний поход в заведение Риашти закончился ничем. АЙСИ не появился. О причинах оставалось только гадать.

Одну мы с Шаевским отбросили сразу. Вряд ли журналист испугался, скорее, сработал второй вариант: «или».

Если его исчезновение дело рук Риашти, который вполне мог вести скрытое наблюдение, то у моего не-состоявшегося партнера оставались шансы вернуться. Даже действуй Виас в интересах тех, кому не выгоден шум, а не для безопасности своего постоянного посетителя, убивать не обязательно. Достаточно просто придержать на время, выведя из игры.

Впрочем, даже в этом случае я не стала бы с уверенностью утверждать, что рано или поздно, но увижу журналиста живым. Хозяин бара оставался темной лошадкой.

Горевски о нем тоже мало что мог сказать. Познакомились на каком-то приеме, довольно часто общались, не обременяя себя подробностями из прошлого друг друга. Не без подозрений, конечно, чутье никуда не денешь, но ощущения грозящей опасности точно не было.

А вот если сыграла другая сторона, то... тогда точно стоило поинтересоваться у Куиши свежими трупами.

Шаевский, пока я отсыпалась после рабочей ночи — сводила все данные в удобоваримые аналитические таблицы, — этим и занимался, выискивая в сводках нужный случай.

— Ты забыла еще упомянуть нашего общего друга, — хмыкнул Шаевский, сбавляя обороты.

В отличие от него, мне было совершенно не смешно.

Когда вернулись из бара, Валесантери нас ждал. Настроен был решительно... Пришлось напоминать, что нечто подобное мы с ним проходили на Зерхане.

Трудно сказать, насколько он понял, что каждый из нас занимается своим делом, но наблюдение снаших комнат снял. Вроде и победа, но с горьким привкусом. Я потому и

предпочитала работать в одиночку, что не выносила ничем не обоснованной опеки над собой.

— О нем разве забудешь, — пробурчала я и перевела интерфейс в теневого режим. Как раз подходила к зданию, где находился офис нужного мне банка.

Дальше большого, отделанного светлым камнем, напоминающим мрамор, холла пройти я не успела.

Он стоял лицом ко мне в глубине помещения, сбоку от широкой лестницы, ведущей, похоже, в операционный зал, и общался с парочкой весьма представительных особ. Я не боялась ошибиться, предположив, что как минимум один из них точно был либо владельцем этой конторы, либо кем-то из высших управленцев.

Мне только и дали, что слегка осмотреться. Один из тех двоих — я продолжала демонстрировать некоторую растерянность, — не замечая присутствия Ханри, прервал разговор и двинулся в мою сторону.

«Увидела» я его, только когда он подошел совсем близко.

— Если не ошибаюсь, госпожа Кирайя? — Спрашивая, мужчина склонился передо мною. Все-таки к женщинам здесь, хотя бы внешне, но отношение было особое.

— Вы не ошиблись, — вежливо, но чуть нервно ответила я, выдерживая свою роль, — хоть это и выглядит странно.

Вторую часть реплики мой собеседник явно не расслышал.

— Я — управляющий главным офисом банка «Шейа-ир». Мне поручено разрешить ситуации с клиентами, у которых по нашей вине были заблокированы кредитные карты. Ваше имя есть в списке.

— Это значит...

Фразу я не закончила сама, предоставляя ему право продолжить за меня.

Мужчина мои ожидания оправдал:

— Это значит, что после формальной проверки вашей личности мы проведем разблокировку карты. В качестве компенсации за доставленные вам неудобства на время пребывания в нашем секторе банк предоставит вам льготное обслуживание.

По мере того, как он говорил, раздражение на моем лице смягчалось, растворяясь в его заботливой вежливости.

— Я рада, — я даже улыбнулась, — что вы так быстро со всем разобрались.

Он ответил мне легким поклоном и жестом предложил пройти к стойке.

Проверка личности действительно была формальной, как и подтверждение собственной платежеспособности. Обе эти процедуры заняли не больше трех минут.

Ничего другого я и не ожидала.

— Элизабет! — Ханри окликнул меня, когда я уже направилась к выходу. — Неужели это вы?!

Удивление и радость от неожиданной встречи он разыграл мастерски.

— Господин Ханри? — Надеюсь, я тоже была убедительна. Но только в некотором разочаровании. — К сожалению, именно я.

Моя реакция его совершенно не сбивала с толку. Он ее просто не заметил.

— Ваше появление здесь...

Наше с Виктором решение было единодушно — мы принимаем приглашение и отправляемся на Маршею. Ниточки, которые я ночью вытягивала из месива данных, вели именно на эту планету. Мне даже удалось вычислить, каким именно транспортом

переправляли туда людей.

Впрочем, это лежало на поверхности. Грузовые корабли «Ханри Сэвайвил» внутри сектора передвигались без досмотра.

Не дослушав Дайриса, прервала его:

— Господин Ханри, я уже говорила, что ваше чрезмерное внимание ко мне не нравится моему мужу. Я надеялась, что вы, как порядочный человек, услышите мои предостережения и примете их, но...

Второй вывод, который я сделала уже в одиночку: Ханри любит преодолевать трудности.

Анализ схемы похищения девяти пар, среди которых были интересующие главу корпорации женщины, и тех шести случаев насильственного удержания, сведения о которых передал мне Куиши, говорил об этом однозначно.

Я специально заставила старшего розыскника проверить этот вывод. За два последних года барышень, которые бы приблизительно соответствовали внешности жены Ханри — Эвин, на Эстерии было значительно больше. Но только эти имели в своем сопровождении личную охрану.

— Элизабет!

— Я еще не закончила, господин Ханри! — Это был тот самый момент, ради которого я и отправилась на эту встречу одна. — Мой муж — офицер Службы Маршалов Союза. Надеюсь, вы понимаете, что в его силах добавить вашим взаимоотношениям с партнерами из нашего сектора определенных проблем!

Я не ошиблась. В его взгляде царила пустота, но, судя по ощущениям, ярость после моих слов начала отступать, сдавая свои позиции заинтересованности.

— Поверьте, госпожа Элизабет, — начал он уже иным тоном, — я не желал ни обидеть вас, ни оскорбить чувства вашего супруга. И мой подарок вам лишь извинения за бестактность, без малейшего намека на желание купить им вашу благосклонность.

Я усмехнулась:

— Вашу прямолинейность я уже успела отметить. Иногда она... слегка шокирует.

Ханри глубоко вздохнул, словно принимая груз моих обвинений, качнул головой.

Когда он вновь посмотрел на меня, это был совершенно другой Дайрис Ханри. И вот этого я опасалась больше, чем первого. В том были эмоции, в этом — холодный расчет.

— Вы правы, — он вроде как объяснялся, — но я так часто сталкивался с тем, что меня не понимают, что научил себя говорить только то, о чем думаю.

— Боюсь, это значительно уменьшило количество ваших друзей, — не сочувствуя, но сопереживая, отозвалась я.

Еще один крючок.

— Вот и вас я едва не оттолкнул, — тут же воспользовался он предоставленной мною возможностью. Грустно улыбнулся. — Вы ведь готовы уйти.

— К сожалению...

— И я не могу пригласить вас просто отобедать со мной? — В его взгляде, которым он меня буквально обволакивал, была такая надежда, что я едва не поддалась этой смеси мужественности и ранимости.

Ответить я не успела.

— Госпожа Элизабет! — Виас Риашти появился так неожиданно, как умеют это делать только спецы из соответствующих служб. — Господин Белью, узнав, что я буду поблизости с банком, попросил прихватить вас. У меня кар на стоянке рядом. — И лишь закончив

говорить, повернулся к Ханри: — Прошу извинить, что я прервал вашу беседу.

Помянув хозяина бара... добрым словом, представила мужчин друг другу и только после этого, повернувшись к Дарису, огорченно развела руками:

— Вот видите, обстоятельства оказались сильнее нас.

— И все-таки, я могу надеяться, что увижу вас и господина Шаивского на презентации?

Я задумалась на мгновение, медленно кивнула: «Скорее — да, чем — нет», — и обернулась к Риашти:

— Я — готова.

Кажется, мне предстоял еще один... интересный разговор.

— Пройдемся?

Вместо особняка Горевски мы с Риашти оказались неподалеку от огромного водохранилища, расположенного за чертой города.

Бесконечная изумрудная гладь, деревья, смутно напоминающие земные сосны, и выложенная каменными плитами дорожка, бегущая вдоль кромки воды.

Несмотря на столь неожиданный маневр и безлюдность вокруг, оба значка моих теней продолжали украшать экран полевого интерфейса.

Не сказать, что без них я бы чувствовала меньше уверенности, но их присутствие поблизости добавляло то ощущение силы за твоей спиной, которое всегда являлось одним из признаков службы.

— Мне уже пора пугаться? — невинно уточнила я, следом за Виасом переступая через песочную ленту, что отделяла посадочный стол от смотровой площадки, с которой нам предстояло спуститься вниз. Этот берег был очень крутым.

[Купить полную версию книги](#)